Кр 902.5
В 75
Кр. 63.4(2)
В-75

Воронин Н.Н.

Оборонительные сооружения Владимира XII века

Кр. 902.6 (с134.5)
В75

кр. 63.444(235) - 425
В-75

кр-40130

ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Дорогому старому владимирцу
Леониду Семеновичу
Богомилову
на добрую память
Н. Воронин
31.X.49.

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР №11

Н. Н. Воронин

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ВЛАДИМИРА XII в.

Значение Владимира в истории русского народа и его культуры едва ли можно переоценить. Преемник высокого киевского наследства и крупнейший центр культуры и искусства на великорусском северо-востоке XII—XIII вв., Владимир во многом определил пути последующего возвышения Москвы и ее великую национальную роль. Политические традиции «владимирских самовластцев», боровшихся с феодальным дроблением Руси, драгоценное наследие гениальных владимирских зодчих и живописцев были восприняты и развиты Москвой. Однако как сама история Владимирской земли, так и прошлое ее столицы — Владимира не привлекали должного внимания дореволюционных ученых; красивейший город, сохранивший шедевры русского зодчества XII в.— Успенский и Димитриевский соборы, ни разу не стал объектом археологических исследований, хотя его земля трижды в XIX в. подарила науке клады своеобразных произведений владимирских ювелиров. Сама топография города XII—XIII вв., сохранившая поныне свои гигантские контуры в остатках земляных валов, не была как следует изучена и возбуждала много вопросов и сомнений. В нашей работе «Социальная топография Владимира XI—XII вв. и «чертеж» 1715 г.»[1] мы сделали попытку осветить историческое развитие северной столицы Руси. В другой работе «Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв.»[2] мы изложили в конспективной форме результаты наших многолетних археологических и архитектурных исследований; в этой книжке в нескольких строках охарактеризованы и замечательные военно-инженерные сооружения Владимира: Золотые ворота и Владимирский детинец.[3] В настоящем исследовании эти выдающиеся памятники владимирской древности получают более полное научное освещение.

I. ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

1

Несмотря на то, что Золотые ворота во Владимире являются редчайшим памятником древнерусского военно-инженерного искусства XII в., они до сих пор не привлекли серьезного внимания исследователей. Более того, они не дождались удовлетворительного издания: чертежи владимирского епархиального архитектора Н. А. Артлебена, сделанные в 70-х годах XIX в. и помещенные им в альбоме чертежей к «Трудам I археологического съезда»,[4] оставались до сих пор единственным обмером здания, хотя они заведомо неточны, грубо схематичны и неправильно передают ряд особенностей памятника. Второй крупный знаток владимиро-суздальского зодчества, владимирский городской архитектор И. А. Карабутов, в конце прошлого века серьезно и долго занимался исследованием памятника и изготовил его детальные чертежи, однако они пропали и никаких их следов нам найти не удалось. Так памятник и остался без точного обмера и исследования.

Однако вопрос о его реставрации ставился не раз. Еще в 1822 г. был начат сбор средств на восстановление первоначального облика памятника, и дело рассматривалось в Строительном комитете Министерства внутренних дел,[5] но дальше этого дело не пошло. Вторично вопрос о реставрации был поднят в 70-х годах в связи с готовившимся празднованием 700-летия со дня смерти создателя Золотых ворот князя Андрея Боголюбского; в это время и были исполнены упомянутые чертежи Н. А. Артлебена.[6] Дело снова восходило на рассмотрение Министерства,[7] но опять не было осуществлено за недостатком средств, и поднималось вновь в 1909—

[1] СА, VIII, М.— Л., 1946 г.
[2] Научно-популярная серия АН СССР. М.— Л., 1945. Книжка представляет краткое изложение нашей монографии «Владимиро-Суздальское зодчество XI—XIII вв.».
[3] Там же, стр. 22—24 и 58—60.
[4] Табл. XXIV, текст, стр. 296, прим. 1.
[5] Владимирское архивное бюро. 1822, № 75.
[6] «Правительственный вестник», 1872, № 60; 1873, № 68.
[7] ВГВ, 1874, № 2.

1910 гг.[8] Наряду с этими попытками подойти к исследованию и реставрации Золотых ворот, были гораздо более «реальные» проекты, угрожавшие новыми искажениями и разрушениями. Так, например, в 1864 г., на совещании «собственников и домовладельцев» города обсуждался вопрос об устройстве водопровода, и городской голова купец А. А. Никитин выдвинул встреченный одобрением проект превращения Золотых ворот... в водонапорную башню![9]

Из написанного о Золотых воротах наиболее ценен своим фактическим материалом очерк С. Я. Никольского о реставрационных работах 1870-х годов, выявивших ряд существенных данных о древних и новых частях здания.[10] Обычно же писавшие о Золотых воротах были заняты вопросом о системе городских укреплений и историей военных событий, связанных с памятником, причем постоянно путали даты и мало интересовались самим памятником.[11] Иного характера статьи П. В. Ильинского, посвященные вопросу о первоначальном виде Золотых ворот и попыткам их реставрации.[12] Все же, памятник был далек от правильного освещения и вызывал постоянно недоразумения; так, например, Н. П. Кондаков высказывал мысль, что по сторонам главного проезда могли быть две боковые арки;[13] в местной литературе утверждалось фантастическое мнение, что в связи с опорой ворот на примыкавшие валы они были построены «без фундамента»;[14] а Е. Голубинский вообще полагал, что древние Золотые ворота вовсе не сохранились...[15]

2

Никоновская летопись, сообщая о расширении оборонительного пояса Владимира Андреем Боголюбским, подчеркивает, что князь «град Владимерь заложи велик зело попремногу болши первого [т. е. Мономахова среднего города]».[16] В Ипатьевской летописи указываются и крайние точки выросшего города: «Князь же Андрей бе город Володимерь силну устроил, к нему же ворота златая доспе, а другая серебром учини».[17] Золотые ворота расположены в крайней западной точке княжеской части города (рис. 1); место Серебряных рядом показаний источников определяется на противоположном восточном конце города, в самой вершине его треугольника: около Серебряных ворот в 1174 г. происходила встреча гроба с телом князя Андрея, убитого в Боголюбове; эти ворота, еще сохранявшиеся в XVI в., называются в источниках «Андреевскими».[18] На всем этом громадном протяжении город опоясали насыпные земляные валы с шедшей по их гребню рубленой деревянной стеной. От Серебряных ворот они шли на запад, смыкаясь с поперечным рвом и валом Мономахова города, в который вводили с этой стороны Ивановские ворота. Остаток северной линии валов восточной трети города уцелел до наших дней под именем Зачатьевского вала. Далее на запад, от западного поперечного рва и вала старой крепости, новые валы прерывались рядом ворот. В самом северо-восточном углу Нового города располагались Медные ворота; от них вал шел по краю обрыва городского холма вдоль по Лыбеди, загибаясь к югу по границе, очерченной глубоким оврагом (Никитский спуск); в верхнем конце оврага вал прорезали Иринины ворота. Они были одновременно важной боевой башней на западной линии обороны города, которая здесь выходила на равнинный участок. В его центре и стояли Золотые ворота. Здесь перед валом был глубокий ров, соединявший овраг с начинавшимся к югу от Золотых ворот встречным оврагом, идущим к Клязьме. Вдоль рва и оврага снова шел вал (Козлов вал), прикрывавший с запада большую амфитеатрообразную впадину в городских высотах. Со стороны Клязьмы этот участок был, видимо, прикрыт только рубленой стеной с башнями, спускавшейся вниз к устью оврага (Муромского спуска) как с угла Мономахова города на запад, так с юго-западного угла Нового города — на восток; стены смыкались у деревянной башни Волжских ворот, стоявшей в устье оврага почти на берегу Клязьмы.

Так сложилась оборонительная система Владимира в итоге андреевского строительства 1158—1164 гг.

Этими годами определяется и дата Золотых ворот, так как точного указания о их закладке источники не дают. Мы знаем лишь об

---

[8] «Московские ведомости», 1909, № 264; 1910, № 299.

[9] «Этот дельный (!) проект, уменьшающий значительно издержки на возведение новой башни, принадлежит почетному голове, почетному гражданину А. А. Никитину и делает ему большую честь, давая возможность употребить ныне бесполезное здание на необходимое общественное дело»! ВГВ, 1864, № 11, стр. 41; № 17, стр. 81.

[10] Золотые ворота, памятник гражданского зодчества во Владимире. ЕВГСК, вып. X, 1871—1872 г.

[11] Из этих статей наиболее интересна статья К. Н. Тихонравова, Город Владимир в начале XVIII ст. (в том же выпуске ЕВГСК).

[12] П. В. Ильинский. К реставрации Золотых ворот. Ниши южной стены. ТВУАК, т. XIII; О реставрации Золотых ворот в г. Владимире. Там же, т. X; Какой был первоначальный верх Золотых ворот. Там же, т. XV.

[13] И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности, в. VI. СПб., 1899, стр. 16.

[14] Путеводители Н. Ушакова и В. Т. Георгиевского; ВГВ, 1901, № 26 и др.

[15] Е. Голубинский. История русской церкви. Т. I, ч. 2. М., 1882, стр. 319, прим. 3.

[16] ПСРЛ, IX, стр. 211.

[17] ПСРЛ, II, стр. 582.

[18] ПСРЛ, XIII-2, стр. 431; XIII-1, стр. 110—111; II, стр. 593.

освящении в 1164 г. церкви Положения риз наверху Золотых ворот.[19]

Повидимому, к этому году относится и известный рассказ источников о катастрофе, постигшей только что законченное здание. В позднем житии князя Андрея говорится: «Тамо же созда великий князь Андрей и Златыя врата граду каменныя и на них церковь построил Положения риз Пресвятыя богородицы: и тогда народу многу сшедшуся зрети их красоты, известь же мокра сущи и врата падошася, и под ними дванадесять человек каменьем засыпа».[20] Согласно этому тексту и также поздним изображениям этого сюжета в Лицевом летописном своде XVI в. и в росписи 1764 г. «палат» Андрея Боголюбского в Боголюбове,[21] где представлено полное или частичное разрушение свода Золотых ворот (рис. 7*а* и *б*) можно было бы думать, что были рано сняты кружала, что и вызвало обвал части неокрепшей кладки. Однако более достоверный источник «Сказание о чудесах иконы Владимирской богоматери», составленное в первые годы княжения Андрея,[22] ясно говорит о падении лишь самих воротных полотнищ: «бе бо еще не суха известь во вратех, абие же внезапу *истергшися от стен* врата и падоша на люди... и взяша врата, и видеша сущих под враты живых и здоровых».[23] Это и было приписано «чуду» Владимирской иконы. На основании этого текста В. О. Ключевский полагал, что катастрофа и состояла всего лишь в падении воротных створ.[24] Эта неполадка не помешала освящению надвратной церкви в 1164 г.

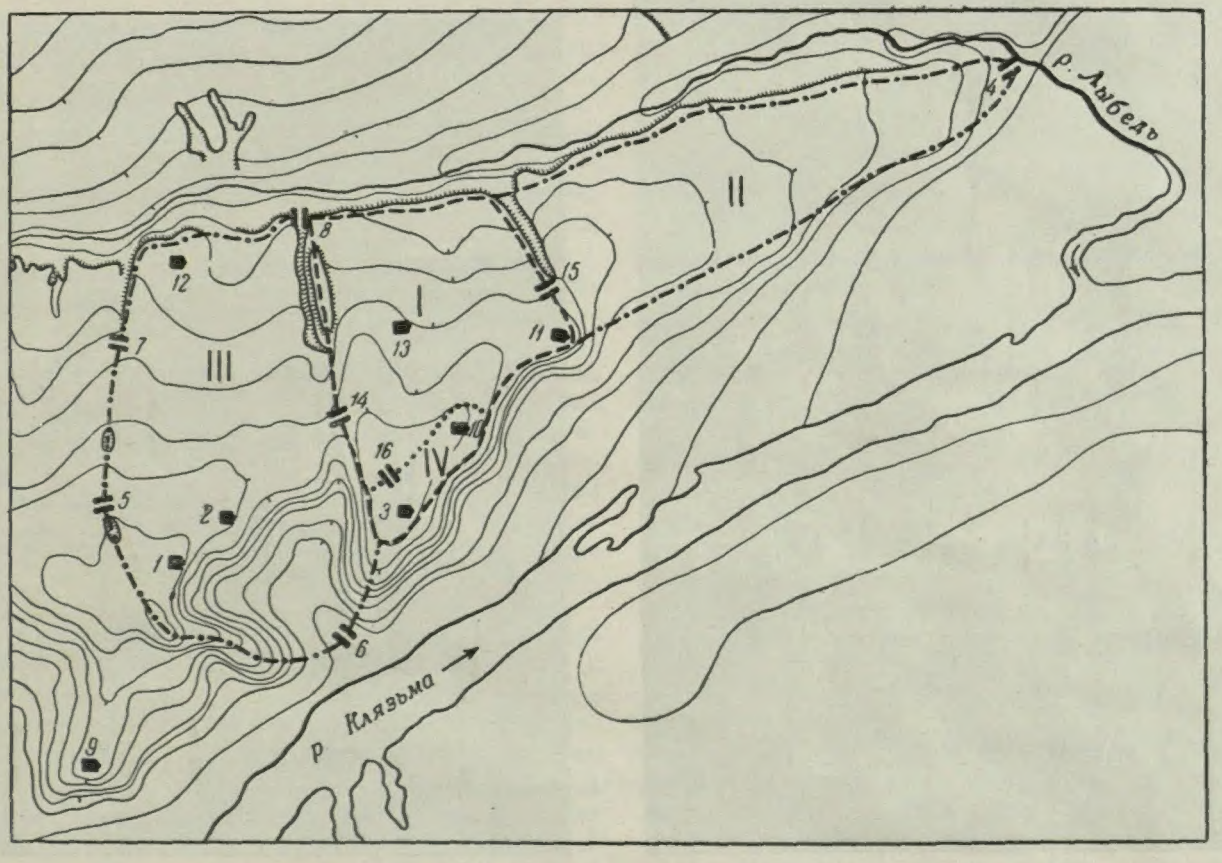


Рис. 1. План Владимира XII—XIII вв.

I—Мономахов город. *II*—Посад. *III*—Новый город. *VI*—Детинец. *1* — Церковь Спаса. *2* — Церковь Георгия. *3* — Успенский собор. *4* — Серебряные ворота. *5* — Золотые ворота. *6* — Волжские ворота. *7—8* — Иринины и Медные ворота. *9* — Вознесенский монастырь. *10* — Димитриевский собор. *11* — Рождественский монастырь. *12* — Успенский Княгинин монастырь. *13* — Церковь Воздвиженья на торгу. *14* — Торговые ворота. *15* — Ивановские ворота. *16* — Ворота детинца с церковью Иоакима и Анны.

Название ворот Золотыми объяснялось различно. Высказывалось предположение, что их имя напоминало о Золотых воротах «матери городов русских» Киева, с красотой и значением которого конкурировала столица Боголюбского. Другие полагали, что «на фасадах» ворот были какие-либо позолоченные украшения; наконец, что золоченой медью были

[19] ПСРЛ, I (изд. I), 150; VII, 77; в Никон. лет. под 6671—1163 г. ПСРЛ, IX, 231.

[20] Житие цитировано у Никольского. Ук. соч., стр. 95.

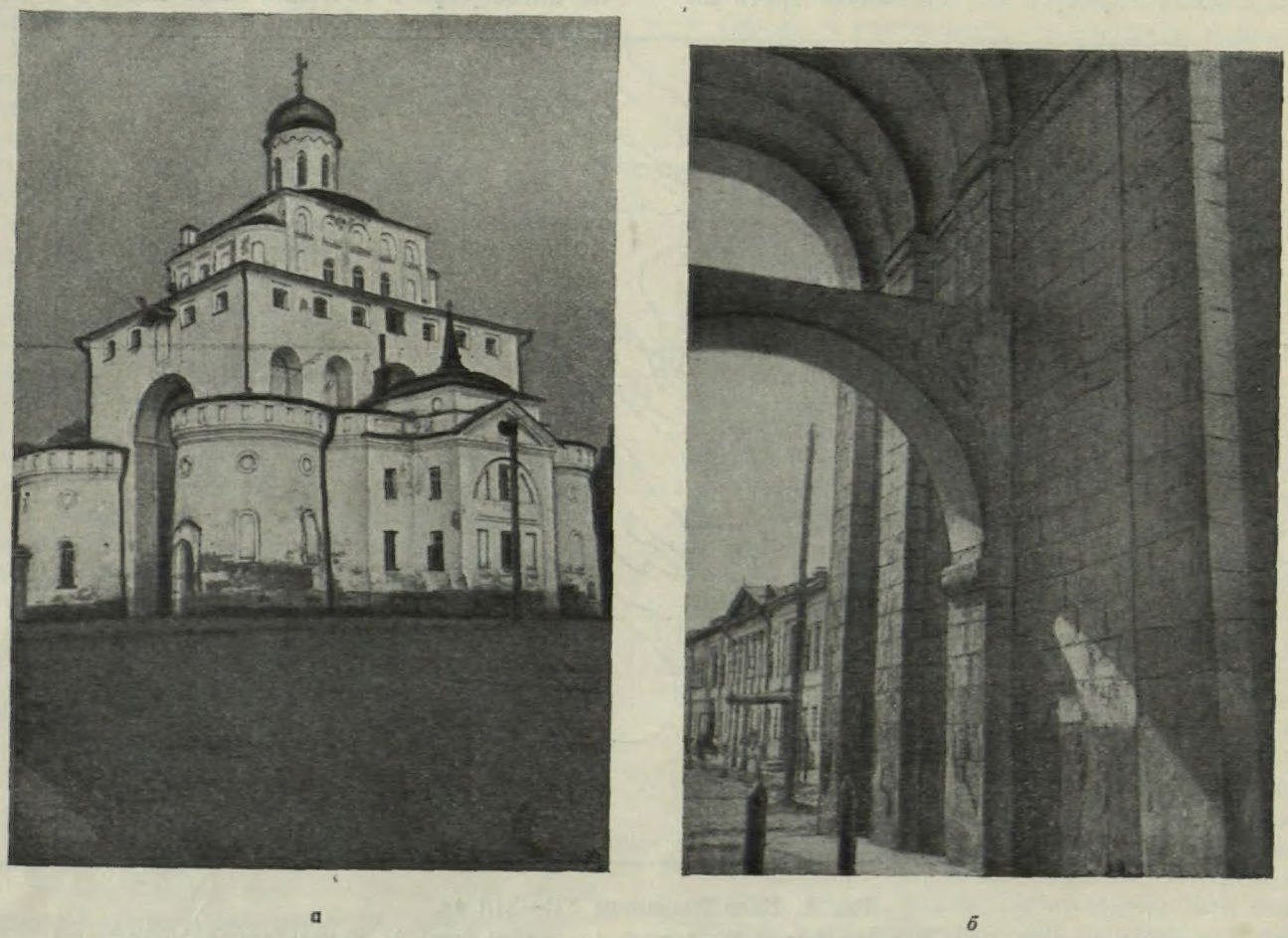
[21] О них ниже.

[22] «Сказание» издано с предисловием В. О. Ключевского, Об-вом любителей древней письменности, вып. XXX, СПб., 1878.

[23] Там же, стр. 42—43.

[24] В. О. Ключевский. Курс русской истории, т. I, стр. 402.

окованы самые полотнища ворот или верх здания. Все эти предположения вполне правдоподобны и не исключают одно другого. Идея самого сочетания проездной крепостной башни с торжественной «триумфальной аркой» главных ворот, равно как и самое их название, несомненно навеяна киевскими Золотыми воротами. Золоченая медь, обильно применявшаяся в декоративной отделке храмов андреевского



а *б*

Рис. 2. Золотые ворота: *а*—общий вид; *б*—внутренняя арка.

времени и создававшая в глазах современников обманчивый эффект убранства зданий «золотом», была, несомненно, применена в обработке главных ворот Владимира. Ею мог быть покрыт и верх надвратного храма, а в то же время толстыми листами золоченой меди могли быть покрыты тяжелые дубовые створы, замыкавшие проезд.[25] К последнему склоняет также и текст «Сказания о чудесах», где говорится, что народ сошелся любоваться красотой ворот, и тут-то и вырвались их петли; это ясно свидетельствует о богатой отделке полотнищ, может быть, не просто гладкими листами позолоченной меди, но и о какой-то художественной обработке этих листов.

[25] Ср. указание Ипат. лет., что Ярослав, создавший «врата граду [Киеву] каменные, в них же двери златыя постави». ПСРЛ, II, 266.

3

Золотые ворота дошли до нас далеко не в первоначальном виде.

Они, несомненно, сыграли свою боевую роль в бурных военных событиях XII в., но мы не знаем, как отразились последние на состоянии памятника. Точно так же неизвестно, в какой мере они пострадали при осаде Владимира татарами зимой 1238 г. Известно лишь, что с этой равнинной стороны был направлен главный удар татарского штурма. Отсюда по городским стенам били тяжелыми камнями татарские «пороки»; отсюда же, завалив хворостом ров, враги ворвались «по примету» в город сквозь пролом в деревянной стене против церкви Спаса. Из летописных текстов не видно, чтобы татары тратили силы на осаду каменной твердыни Золотых ворот; видимо, не на них направлялся и обстрел пороков.[26] Но несомненно, что, захватив город, татары ободрали драгоценный «тяжкий товар» — золоченую медь с сорванных створ ворот, а может быть и с верха надвратной церкви.

Во всяком случае уже в XV столетии Золотые ворота потребовали капитального ремон-

[26] ПСРЛ, VII, 141.

та. В литературе о Золотых воротах прошло незамеченным сообщение Ермолинской летописи, что в 1469 г. «во Владимире обновили две церкви камены, Воздвиженье в торгу, а другую на Золотых воротах, а предстательством Василия Дмитриева сына Ермолина».[27] Это была одна из первых «реставрационных» работ, предпринятых московским правительством по «обновлению» памятников Владимира, представлявших для идущей к своей победе Москвы огромный художественный и политический интерес.

События начала XVII в. снова вовлекли Владимир в полосу военных тревог,[28] и Золотые ворота вновь потребовали ремонта: в 1641 г. известный московский зодчий Антипа Константинов составлял смету на их починку,[29] но работы фактически были произведены лишь между 1687—1695 гг.[30] Объем этих работ нам также неизвестен.

В екатерининское время, в связи с перепланировкой Владимира, Золотые ворота понесли особенно сильный урон. В целях расширения главной улицы города валы, примыкавшие к зданию, были отняты и оно лишилось своей старой опоры по сторонам. Видимо, это гибельно отозвалось на его состоянии, так как сразу же пришлось подвести по углам ворот белокаменные контрфорсы. Однако до работ архитектора Чистякова (1795 г.) ворота еще сохраняли в неприкосновенности свой старый верх.

Составленный Чистяковым «Прожект, учиненной в плане и фасаде для укрепления и возобновления древнего здания» предлагал «церковь над вратами и те своды с перемычками, на коих оная основание имеет, поелику ветхи, то следовательно разобрать», а «потом вышеупомянутую церковь соорудить, в знак достопамятности, *по прежнему ее расположению*».[31] Эти работы и были осуществлены: была разобрана надвратная церковь, а большой свод ворот переложен вновь из старого белого камня с добавкой кирпича; на новом своде была поставлена церковь измененного, по сравнению с проектом, характера; наконец, угловые контрфорсы были прикрыты круглыми башнями, между которыми были встроены с юга — помещение новой лестницы в церковь, а с севера — жилые помещения. В этом виде памятник и дошел до нас (рис. 2), сохранив от XII в. лишь свой древний низ и оставив нам вопрос о характере своего первоначального верха.

[27] ПСРЛ, XXIII, 159.
[28] Акты исторические, II, стр. 226; грамота 1635 г., в ТВУАК, т. II.
[29] А. Н. Сперанский. Приказ каменных дел. М., 1930, стр. 212.
[30] Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Владимир, 1893, вып. 1, стр. 105.
[31] См. ук. работу Ильинского (ТВУАК, XV).

4

В своей древней части Золотые ворота представляют две параллельные белокаменные стены с лопатками на внутренней стороне, переходившими в арочные перемычки большого свода (возможно, что первоначальный старый свод имел трехцентровое очертание с пониженной стрелой подъема); старые карнизы

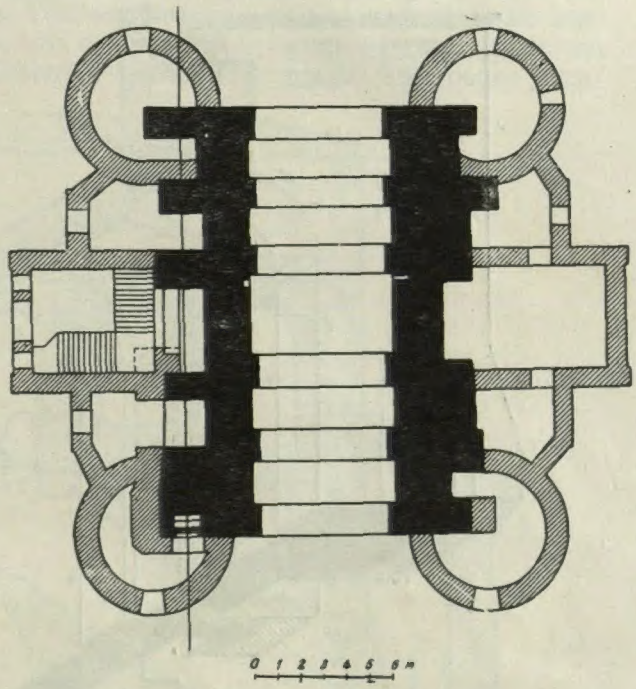


Рис. 3. Золотые ворота. План.

архаичной формы (четвертной вал с полочкой, как и в постройках Юрия Долгорукого) завершают лопатки (рис. 2—4).[32]

В пролете ворот, ближе к стороне, обращенной наружу, выведена малая арочная перемычка для упора воротных полотнищ. По сторонам арки сохранились массивные кованые петли ворот и паз для толстого засова. Здание вросло в землю примерно на 1.5 м; на этой глубине были обнаружены в 1865 г. настилы бревенчатой мостовой.[33] В местной литературе высказывалось без всяких к тому оснований утверждение, что, кроме сохранившейся арочной перемычки, была еще вторая.[34] К этому мнению, видимо, склонялся и Н. А. Артлебен, пометивший на своем чертеже пунктиром вторую арку.[35] Однако следов ее совершенно не сохранилось; она является, видимо, домыслом исследователей прошлого века. Существующая арка также переложена, хотя и сохранила в пятах характерные карни-

[32] Издаваемые чертежи исполнены по обмерам Г. Ф. Корзухиной (рис. 3—5).
[33] ВГВ, 1865, № 29, стр. 156.
[34] Статья Г. Чижова в ВЕВ, 1868, № 14, стр. 703—704.
[35] См. атлас к ТАС-I.

зы, аналогичные карнизам арок большого свода.

На лопатках в уровне арочной перемычки сделан ряд неглубоких квадратных гнезд, куда первоначально были введены, одновременно с постройкой ворот, массивные деревянные брусья, служившие балками для настила боевой площадки, разделявшей, таким образом, пролет ворот как бы на два этажа. При реставрации здания в гнездах для балок была обнаружена копоть.[36] Малые квадратные гнезда на стенах ворот являются следами самого строительного процесса — в них закреплялись пальцы лесов.

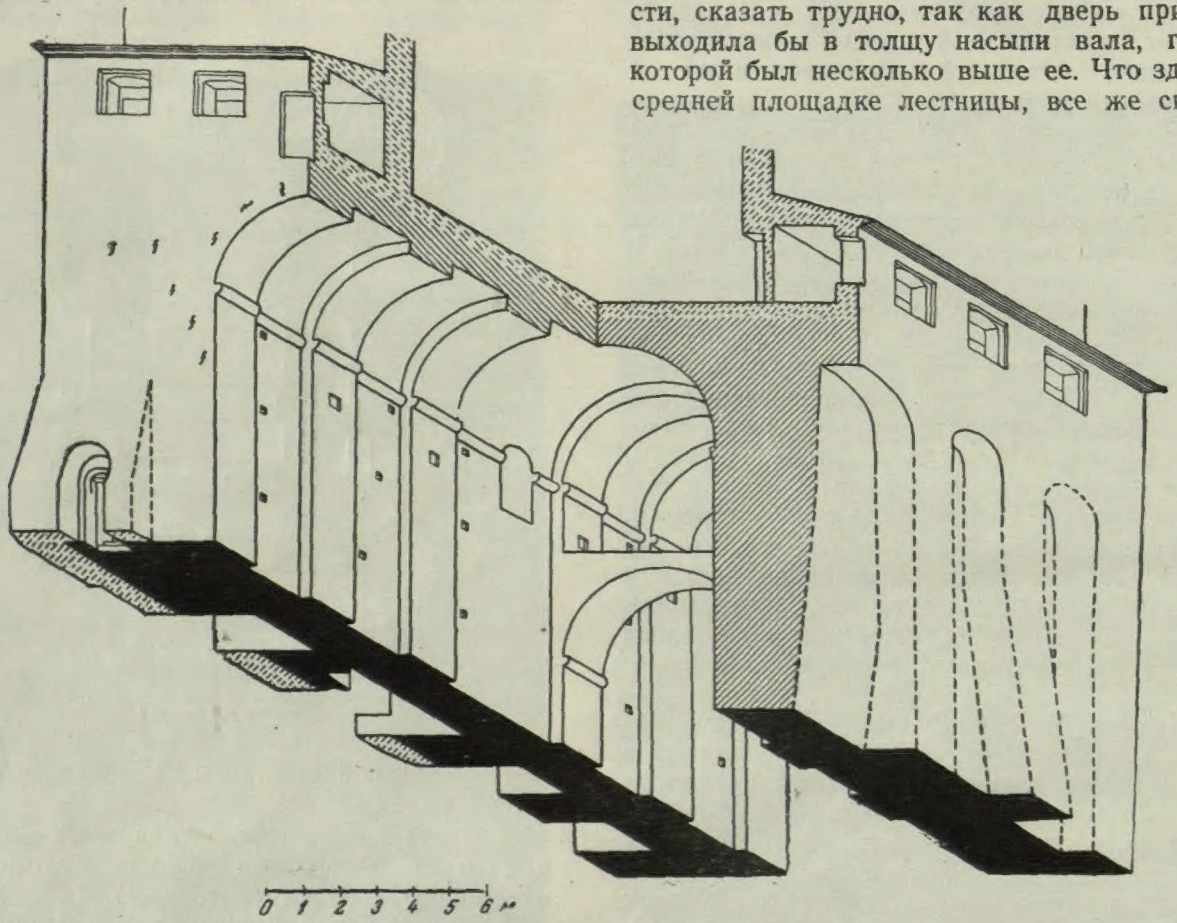


Рис. 4. Золотые ворота. Аксонометрия

На боевую площадку выводила небольшая дверь с арочным верхом в южной стене ворот, прорезанной на всю высоту внутренней каменной лестницей, поднимавшейся изнутри города (рис. 5).[37] На западном косяке этой двери сохранились древние графитти преимущественно в виде крестов, процарапанных, повидимому, выходившими на площадку воинами (рис. 6*а*). В стене противоположной двери имеется кирпичная закладка в форме арки; возможно, здесь была вторая дверь, через которую выходили с лестницы и настила на вал, однако так ли это было в действительности, сказать трудно, так как дверь при этом выходила бы в толщу насыпи вала, гребень которой был несколько выше ее. Что здесь, на средней площадке лестницы, все же скрещивались два людских потока, свидетельствует значительный раструб белокаменных стен, выровненный теперь кирпичом.

Деревянная лестница вела далее на верхнюю боевую площадку ворот, в центре которой была надвратная церковь. Реальная оборонительная роль верхней боевой площадки выясняется рассказом летописи об осаде Владимира татарами. Когда татары во время переговоров с осажденными привели к воротам захваченного в плен московского князя Владимира Юрьевича, то осажденные были наверху ворот: «володимирци пустиша по стреле *на* татар и татары тако же пустиша по стреле *на* Золотые ворота» (вариант: «*на* город и *на* Золотые ворота»); и дальше: «Всеволод же и

[36] Никольский. Ук. соч., стр. 104.

[37] Лестница южной стены была открыта при реставрации 70-х годов. Повод к ее расчистке дала дверь, выводившая на боевой настил в проезде и заложенная кирпичной стенкой. Нижний марш лестницы был завален щебнем. В начале верхнего марша также была кирпичная стена, за которой шел пролитой известью щебень, затем новая стенка из двух рядов белого камня на извести, и снова завал щебня. Поворот верхнего марша, при выходе на надвратную площадку, был совершенно разрушен и не имел ступеней. Лестница была заложена, очевидно, во время работ Чистякова, когда с устройством новой деревянной лестницы надобность в старом ходе пропала. Никольский, ук. соч., также статья К. Н. Тихонравова в ВГВ, 1871, № 20.

Мстислав стояста на Золотых воротах и позната брата своего Володимера».[38] Очень вероятно, что лестница освещалась небольшим узким окном, помещенным в ее верхнем марше и выходившем на западный фасад ворот: как увидим ниже (рис. 7*а*), на миниатюре Лицевого летописного свода XVI в. изображено окно, но с другой (северной) стороны арки, где оно явно не могло быть, так как северный пилон ворот монолитен.

В целях наилучшего сцепления с примыкавшими по сторонам ворот насыпями валов их

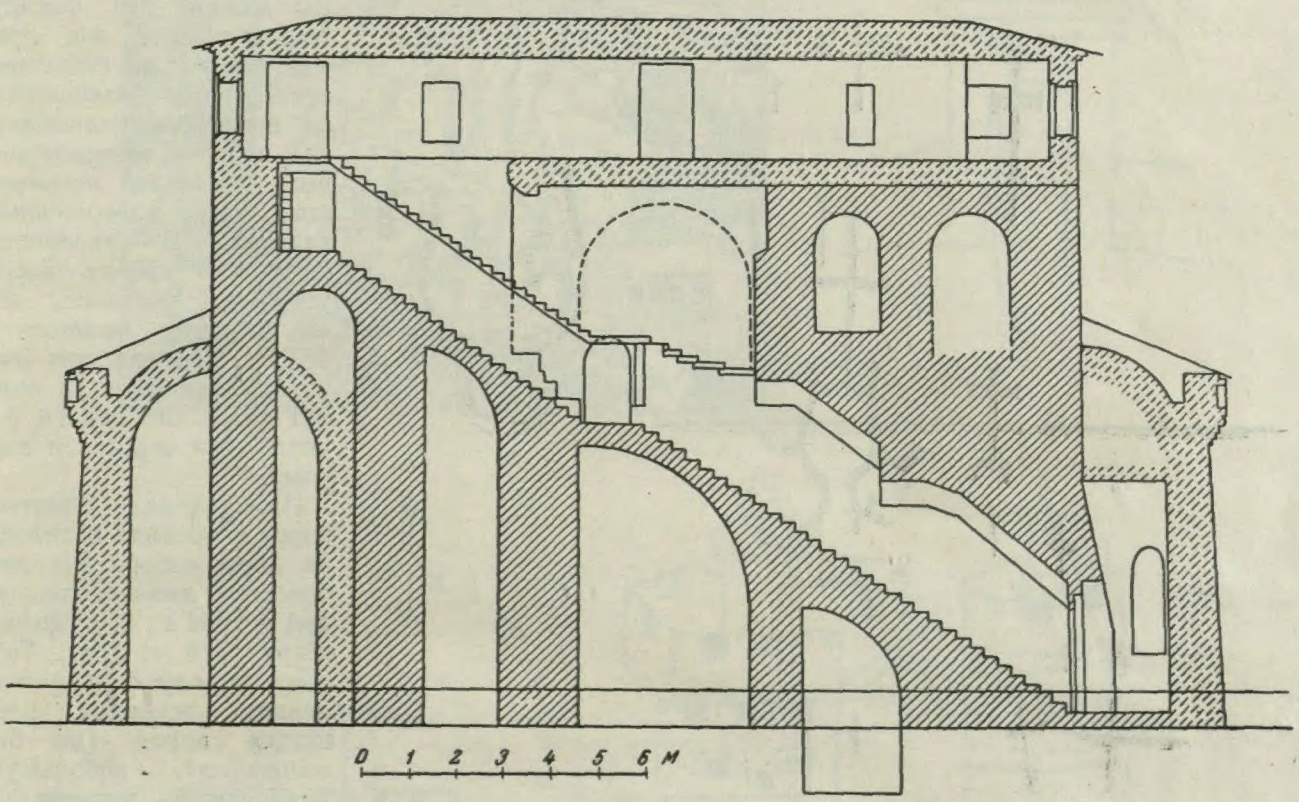


Рис. 5. Золотые ворота. Разрез южной стены.

боковые стенки, пирамидально расширяющиеся книзу, прорезаны глубокими нишами с полуциркульным верхом. На северном фасаде их пять, идущих сверху до низу, не прерываясь; их очертания очень неправильны, линии простенков не вертикальны,— только в верхней части, не прикрытой валами, они получают более или менее правильную форму (может быть, вследствие капитальной починки). Благодаря устройству внутренней лестницы, ниши южной стены имеют иной характер: лестница их прерывает. Рассматривая ниши, начиная от восточного угла (рис. 5), мы видим, что первая не доходит до низа и была «декоративной»; вторая обрывается еще выше, но продолжается под лестницей; аналогична второй третья ниша, разрушенная в верхней части при работах конца XVIII в.; четвертая ниша в своей нижней части аналогична двум предыдущим, пятая имеет полуциркульное завершение, но переложенное из кирпича; возможно, что над 4-й и 5-й нишами в уровень с другими были выложены на фасаде неглубокие полуциркульные впадины в целях соблюдения симметрии незакрытых валом частей фасада.

Ниши южной стены обнаруживают рациональную систему кладок из разного материала. Так, например, в юго-восточной нише видно, что основной массив стены даже в частях, закрытых землей, сложен из прекрасно тесаных квадров плотного камня, свод ниш сложен из легкого пористого грубо обработанного туфа, лоб арки снова сложен из блоков белого камня. Как и в арке проезда, в нишах сохранились квадратные углубления от пальцев лесов.

5

Вопрос о характере верха Золотых ворот может решаться лишь гипотетически, на основе косвенных и далеко не бесспорных материалов, так как переложенный в XVIII в. верх памятника не сохранил ни одного участка старой кладки. Видная снаружи по углам южного и северного фасадов белокаменная кладка позволяла надеяться на сохранение старых частей, которые дали бы возможность определить хотя бы высоту зубцов парапета. Однако зондажи стен, сделанные нами изнутри современной галлереи, показали полную пере-

[38] ПСРЛ, I, 196—197.

кладку верха из кирпича XVIII в. с добавлением белого камня в наружных частях.[39]

Обращаясь к изобразительным источникам, мы должны подчеркнуть условность выводов, которые из них проистекают, но при отсутствии других путей мы обязаны всемерно использовать и этот материал.

Миниатюра Лицевого летописного свода XVI в., иллюстрирующая сюжет падения Золотых ворот и «чудо» Владимирской иконы, изображает памятник достаточно ясно (рис. 7*а*) — это большая воротная башня, завершаемая нависающим зубчатым парапетом с машикули, из-за которого видна надвратная церковь, покрытая, очевидно, четырехгранным шатром; его основание передано в виде второго яруса парапета с круглыми «бойницами». Иллюстраторы Лицевого летописного свода в изображении городских ворот придерживались довольно однообразной шаблонной схемы. Так, например, Золотые ворота Киева также изображены с зубчатым парапетом и зубчатой шатровой башенкой церкви над ними; несколько иначе показаны городские ворота Белгорода, но основной чертой схемы ворот является их шатровый верх,[40] который в данном памятнике живописи естественнее всего отнести за счет любви людей XVI в. к этой форме национального зодчества.

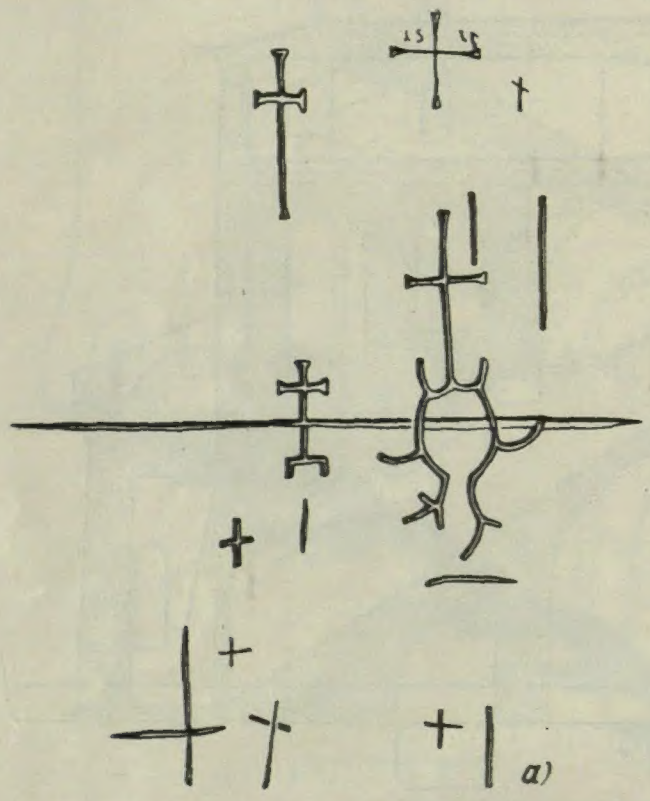


Рис. 6. Золотые ворота.
а — граффити, *б* — знаки княжеских мастеров

Проверить данные миниатюры XVI в. позволяет вполне документальное изображение Золотых ворот на плане Владимира 1715 г., отстоящем от Лицевого свода на 150 лет.[41] Здесь (рис. 7*б*) ворота стоят еще в черте земляного вала, который примыкает к ним с севера и юга. Основной массив здания завершается двумя нависающими горизонтальными выступами; зубцов и машикули нет. Сзади видна кубическая надвратная церковь с тремя закомарами по фасаду, выровненными под прямой карниз; на нем стоят трехгранные кокошники, за которыми поднимается, видимо четырехгранный, довольно приземистый шатер, завершенный главкой. В сохранении шатрового верха ворот убеждает указание, что «до пожара, бывшего в 1778 г. 28 июля, они [ворота] были выше, и помнят даже, что шпиц их украшался огромным шаром».[42]

Изображение Золотых ворот в росписи перехода на хоры собора Боголюбовского дворца, сделанной в 1764 г., т. е. до пожара 1778 г. (рис. 7*в*), дает, наряду с зубчатым верхом основной площадки ворот (но без машикули), небольшую надвратную церковь с плоским граненым шатром.

От этих поздних изображений можно обратиться к изображениям Золотых ворот в Радзивилловской летописи конца XV в., где они представлены не раз. В сцене возвращения Всеволода III во Владимир во время борьбы с Глебом рязанским в 1177 г. (л. 224, рис. 7*г*) Золотые ворота представлены в виде квадратной башни с прямоугольным проездом; боевая площадка ограждена зубчатым нависающим над стенами парапетом, квадратные «окошечки» под парапетом могут представлять машикули. На площадке помещена надвратная церковь в ви-

[39] Описание кладок, правда не всегда точное, дает Никольский. Ук. соч., стр. 100—101.

[40] Лаптевский том, л. 37, 21, 145; Голицынский том, л. 433 и об. Ср. Шумиловский том (ворота Москвы), л. 68, 71, 74, 77, 96 и об. и мн. др.

[41] «Чертеж» хранится в Картографическом отделе Библиотеки АН СССР № 3092. Хронологическое определение и анализ всех исторических и историко-архитектурных данных см. Н. Воронин, Социальная топография Владимира XII—XIII вв.

[42] П. Свиньин. Златые врата во Владимире на Клязьме. Отечественные записки, 1824, № 51, июль, стр. 4.

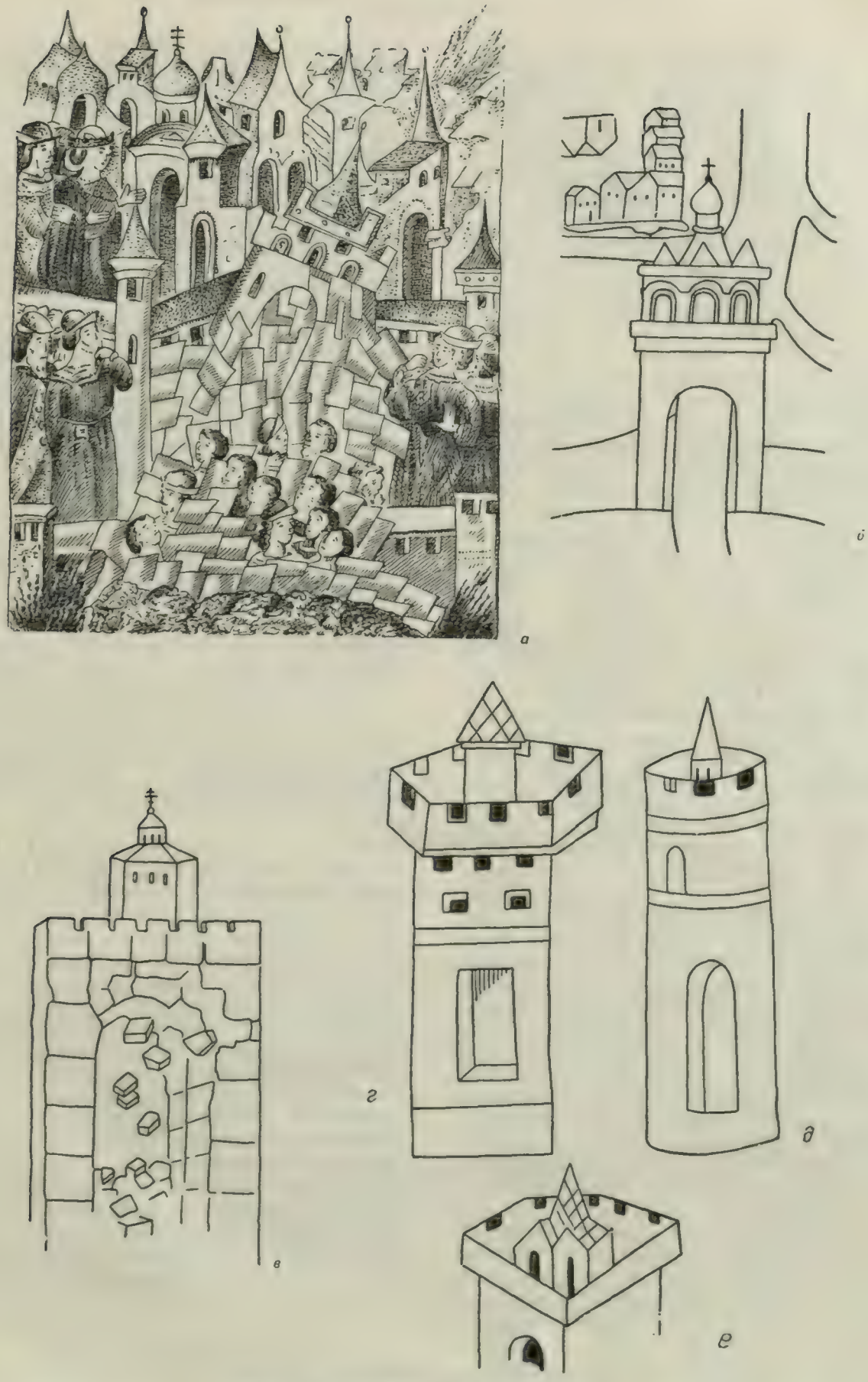


Рис. 7. Золотые ворота в изображениях.

а — миниатюра Лицевого летописного свода XVI в.; *б* — «чертеж» 1715 г.; *в* — роспись 1764 г. лестничной башни Боголюбовского дворца; *г*, *д*, *е* — миниатюры Радзивилловской летописи.

де башенки, крытой остроконечным шатриком. На л. 228 (рис. 7*д*), в сцене возвращения Всеволода после похода 1181 г. на р. Влену, представлена круглая башня также с зубчатым парапетом и островерхой башенкой надвратного храма. На том же листе в сцене торжественного возвращения Всеволода с полоном из похода на Торжок 1182 г. (рис. 7*е*) видим снова квадратную башню с зубчатым бруствером и граненым или квадратным в плане столпообразным храмом, крытым шатром. На двух других изображениях ворота представлены без церкви. Один раз (л. 204 об.) в сцене перестройки Андреем церкви Спаса (1164), когда надвратная церковь могла быть еще недостроенной. Второй раз (л. 217 об.), в сцене прихода под Владимир полков князей, враждебных Михалке (1175), ворота представлены также в виде башни с нависающим зубчатым бруствером, из-за которого видны фигуры трех владимирцев, стреляющих из лука и бросающих камни; изображение здания с людьми заняло поле, оставленное для рисунка, на всю высоту, и надвратная церковь была опущена иллюстратором. Миниатюры Радзивилловской летописи, воспроизводящие весьма точно состав и содержание миниатюр великокняжеского владимирского летописного свода 1212 г.,[43] пользуются для изображения башен и ворот вообще несколькими приемами: квадратная башня с четырьмя зубцами по углам, башня с зубчатым бруствером, ворота с фланкирующей их шатровой башней. Золотые ворота Владимира изображаются по иной *индивидуальной схеме*, передающей, повидимому, конкретные признаки памятника — зубчатый брустер верхней боевой площадки и крытую шатром небольшую надвратную церковь.

Эти черты изображений XIII — XV вв. едва ли случайно совпадают с изображением ворот в боголюбовской росписи, где также представлена очень простая схема ворот с зубчатым парапетом и маленькой церковью, крытой приземистой шатровой кровлей (рис. 7*в*). Есть основания предполагать, что роспись боголюбовской лестничной башни и перехода на хоры сменила предшествовавшую ей более древнюю роспись, в которой могли быть изображены и «чудеса» Владимирской иконы. К архаизмам этих изображений, кроме описанного вида Золотых ворот, относится, например, любопытная подробность перевоза иконы летом на санях, не отмеченная «Сказанием», но известная по источникам для подобных торжественных случаев (от перевоза мощей Бориса в Вышгороде в XI в. и вплоть до XVII в.).

Таким образом, представляется несомненным, что верхняя боевая площадка Золотых ворот была прикрыта зубчатым бруствером; зубцы не имели машикулей, появившихся в русской военно-инженерной практике, повидимому, лишь после работ XV—XVI вв. Посредине площадки помещалась надвратная церковь.

Вопрос о ее характере является наиболее сложным. Если доверять чертежу Чистякова, указывавшего, что его «прожект» восстановления церкви повторяет ее «прежнее расположение» (рис. 8), то перед нами весьма типичный план маленького трехапсидного четырехстолпного храма, в миниатюре повторяющий выработанную в XII в. схему. Однако можно сомневаться в том, что этот план — не вольное сочинение архитектора, перенесшего на ворота схему плана Дмитриевского собора. Любопытно, что исполнение разошлось с «прожектом»: кирпичная церковь, освященная в 1810 г., не имеет столбов. Действительно, трудно представить, чтобы при своих небольших масштабах надвратная церковь столь точно повторяла схему четырехстолпного крестовокупольного храма. В отличие от надвратной четырехстолпной церкви 1106 г. в Киево-Печорской лавре, стены которой опирались на нижележащие стены ворот, основная нагрузка (столбы, купол) подобного храма на Золотых воротах приходилась бы почти на самый свод ворот. Вероятнее предположить, что масштаб церкви позволял обойтись без столбов, разрешив перекрытие так, как это было, например, в Остерской божнице, где, при глухих сводах, «верх» был «нарублен деревом».[44] Это соображение также ведет нас к признанию вероятности, что шатровый стропильный верх храма, а тем самым и башни не был нововведением В. Д. Ермолина, но был изначальной особенностью Золотых ворот. Из текста летописи видно, что Ермолин не перестраивал церковь, но лишь «обновил» ее, т. е. ограничился ремонтом, после которого она еще сохраняла свой первоначальный облик.

Какие-то ремонтные работы проводились по Золотым воротам во время возобновления городских укреплений после пожара 1536 г.[45] Характер работ XVII в., производившихся по указу митрополита Андриана, после которых надвратная церковь была освящена в 1695 г., в точности неизвестен. Во всяком случае нет никаких оснований полагать, что церковь в это время была выстроена заново из кирпича «хотя и на прежнем своем фундаменте», но «далеко от первоначального стиля»,[46] или что в это время и верх ворот «почти с самого свода арки» был переложен из кирпича.[47] Сопостав-

---

[43] Н. Н. Воронин. Рецензия на книгу А. В. Арциховского «Древнерусские миниатюры». ВАН, 1945, № 9.

[44] Константинович. Развалины Юрьевой божницы в Старгородке. «Киевская старина», 1896, X.

[45] ПСРЛ, IV, 159.

[46] Ильинский. О реставрации Золотых ворот, стр. 4.

[47] Ильинский. Ук. статья; отчасти Никольский, ук. соч.

ление миниатюр Радзивилловской летописи с изображением ворот на «чертеже» 1715 г. позволяет предполагать, что надвратная церковь была подвергнута лишь внешнему «обновлению» — были устроены, например, декоративные треугольные кокошники и может быть ремонтирован старый шатер. Таким образом, можно думать, что подобно башням Успенского собора и Боголюбовского дворца Золотые ворота имели и в XII в. пирамидальный шатровый верх, возможно крытый листами золоченой меди.

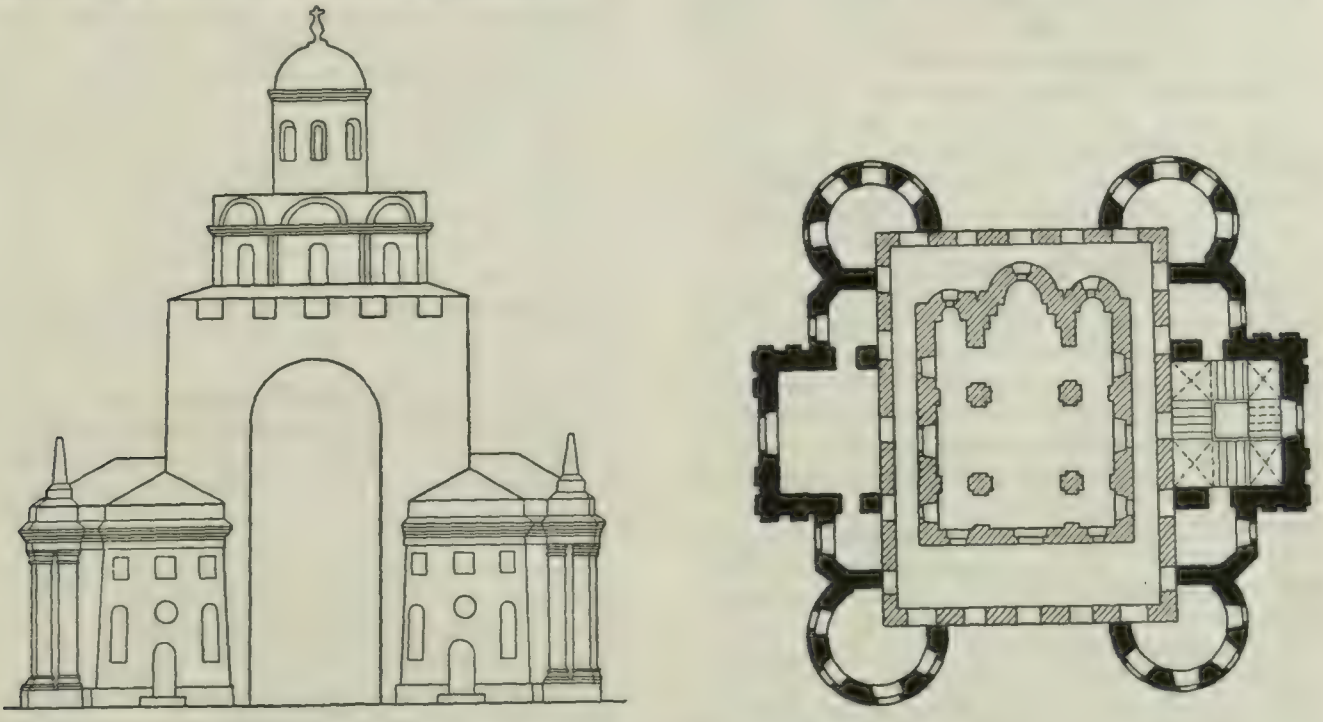


Рис. 8. Золотые ворота. „Прожект" архитектора Чистякова.

Что касается зубчатого парапета в основании шатра, изображенного на миниатюре Лицевого свода, то вероятнее полагать, что это чисто декоративный вымысел иллюстратора. Правда, Никольский полагал, что надвратная церковь «по исключительности своего местоположения, имела и свою особую, единичную в своем роде, форму, совершенно отличную от всех других современных храмов».[48] В западноевропейском средневековом зодчестве были примеры храмов, приспособленных специально для обороны или имевших приподнятые до масштаба брустверов желоба по краям кровли; такова, например, церковь Марии в Комаргю (1144 г.).[49] Однако из числа построек Андрея Золотые ворота имеют наименьшее основание для сопоставления с романским зодчеством.

6

Золотые ворота в оборонительной системе города были по существу стенной башней; ее продолговатый в плане массив выдвигался вперед за линию валов и, господствуя над ними, позволял держать под фланговым обстрелом с верхней площадки значительные участки стен по бокам. Соединение в одном здании задач военно-инженерных и чисто архитектурного замысла высокой триумфальной арки города привело к устройству деревянной нижней боевой площадки, доходившей до наружного края проездной арки и обеспечивавшей защиту собственно воротных полотнищ. Настил, несомненно, имел вырезы, через которые можно было бросать камни, лить кипяток или смолу, стрелять по врагам, просочившимся к воротам. Снаружи перед воротами шел глубокий ров с постоянным, а не подъемным деревянным мостом, который, в случае опасности, мог просто сжигаться; никаких следов устройства подъемных механизмов моста Золотые ворота не имеют, равно как в самой арке ворот не было дополнительной падающей решетки (герс). Всеми этими чертами памятник очень сближается с киевскими Золотыми воротами, насколько можно судить об этом по их развалинам и главным образом по сохранившимся рисункам.[50] Но эти же черты, обнару-

[48] Ук. соч., 99.

[49] G. Gromort. L'architecture romane. Paris, 1928, I, стр. 30, табл. 51; О. Шуази. История архитектуры (изд. 1-е), т. II, стр. 158, 179 и др.

[50] Я. И. Смирнов. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII в. ТАС-XIII, т. II, табл. IV; Н. Самойлов. Златые врата Ярославовы в Киеве. М., 1834; В. А. Обремьский. Золотые ворота в Киеве. Киев, 1915.

живающие своеобразность русского архитектурного решения проездной башни города, резко отличают его от устройства подобных башен в средневековых замках и бургах Западной Европы и Византии. Там они никогда не имеют такого огромного арочного проема, свод проезда всегда низок, подъемный мост и падающая решетка усиливают оборонительные качества башни. Оборона ворот ведется не только сверху, но и с боков, с выступающих башен, часто фланкирующих башню ворот.[51] Золотые ворота Константинополя, которые обычно считались памятником, давшим идею Золотых ворот Киева, а за ними и владимирских, также резко отличались от русских сооружений. Это была трехпролетная триумфальная арка с большим средним проездом, назначавшимся для прохода торжественных императорских процессий; отсюда начиналась большая триумфальная улица, ведшая к Августею.[52] Таким образом, русские Золотые ворота давали отличное от западного и византийского решение, сочетая идею величественной триумфальной арки с функциями боевой башни.

Все это дает новые основания считать Золотые ворота во Владимире несомненно самостоятельной работой владимирских зодчих. Золотые ворота завершают ряд построек 1158—1164 гг. Несмотря на свою «молодость», строители Золотых ворот были вполне зрелыми мастерами, как об этом говорит один летописный текст.

В описании Ипатьевской летописью трагических событий 1174 г. и убийства князя Андрея мы читаем о перенесении тела Андрея из Боголюбова во Владимир: «... и поча народ молвити уже ли Киеву поеха, господине [князь Андрей.— *Н. В.*], в ту церковь, *теми Золотыми вороты, их же делать послал бяше* той церкви на велицемь дворе на Ярославле, а река: хочю создати церковь таку же ака же ворота си Золота да будеть память всему отечьству моему».[53]

Текст этот неоднократно привлекал внимание историков и достаточно разнообразно объяснялся ими. Так, например, Н. М. Карамзин полагал, что Андрей незадолго перед смертью дал обещание построить в Киеве на Ярославовом дворе церковь «такую же», как в Боголюбове (? — *Н. В.*), послал уже туда зодчих, которые строили Золотые ворота во Владимире, но смерть не позволила осуществить этот обет.[54] Так же рассуждал и В. Плаксин.[55] Мнение С. М. Соловьева отражено в переводе текста: «Уже не в Киев ли поехал ты, господин наш, в ту церковь у Золотых ворот, которую послал ты строить на великом дворе Ярославовом; говорил ты: хочу построить церковь такую же, как эти ворота Золотые,— да будет память всему отечеству моему».[56] Д. И. Иловайский также полагал, что в своих причитаниях народ припоминал последнее намерение князя ехать в Киев, что бы построить новую церковь на Ярославовом дворе.[57] Иначе понимает текст П. Лашкарев, давая ему совершенно превратное толкование, что речь идет о церкви над Золотыми воротами в Киеве, аналогичной Троицкой надвратной в Печерской лавре, что по образцу этих храмов Андрей «строил церковь во Владимире».[58] В. Касаткин писал, что Андрей предполагал строить в Киеве «храм, подобный владимирскому соборному», для чего и были отправлены туда из Владимира мастера.[59] В. Т. Георгиевский излагал текст таким образом: «Уж не в Киев ли собрался ты, княже, через эти Золотые ворота, какие ты послал было делать вместе с церковью на большом Ярославовом дворе. Хочу, говорил ты, создать церковь, такую же златоглавую, как на Золотых воротах, в память всему моему отечеству».[60] Н. В. Султанов полагал, что «Андрей Боголюбский хотел построить в Киеве на дворе Ярослава церковь, подобную Боголюбской [Покрова на Нерли], и для этого уже отправил туда зодчих, строивших Золотые ворота, но не успел исполнить своего набожного обета».[61]

Не приводя других осмыслений, более или менее аналогичных изложенным, мы должны подчеркнуть самое существенное, в чем согласны почти все авторы, что для постройки церкви в Киеве Андрей смог отправить из Владимира мастеров, которые, следовательно, имелись в его распоряжении. Что касается вопроса, о каких Золотых воротах идет речь в тексте, то здесь, нам думается, более всего близок к истине Карамзин, считая их владимирскими.

Думаем, что данный текст в его наличном виде несколько искажен и потерял первоначальный смысл: говорится с одной стороны, что Андрей задумал построить «церковь» [одну] на Ярославовом дворе, а *«их же делать* послал бяше», свидетельствует о двух постройках, т. е.

---

[51] К. Гартман. История архитектуры. Т. I. М., 1936, стр. 196 и сл.

[52] Д. Эссад. Константинополь. М., 1919, стр. 93—94.

[53] ПСРЛ, II, 598.

[54] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. III, стр. 21, изд. Эйнерлинга.

[55] В. Плаксин. Опыт истории изящных искусств в России (Цит. по перепечатке ВГВ за 1847 г., стр. 130). Та же мысль проводится в анонимной статье «Андрей Боголюбский» в ВГВ за 1848 г., стр. 110—113; Андрей отправил в Киев зодчих «строивших Владимирские Златые врата».

[56] С. М. Соловьев. История России, ч. I, стр. 515.

[57] История России. М., 1880, ч. II, стр. 218.

[58] ТАС I, стр. CV. Эта точка зрения стоит в связи с теорией Лашкарева о происхождении типа владимиро-суздальских церквей.

[59] В. Касаткин. Очерк истории г. Владимира. Владимир, 1881, стр. 21 и прим. См. также В. Пассек, Княжеская и до-княжеская Русь. ЧОИДР, 1870, III, стр. 20—21.

[60] В. Т. Георгиевский. Князь Андрей Боголюбский. Владимир, 1894, стр. 94—95.

[61] Н. В. Султанов. Русское зодчество в западной оценке. «Зодчий», 1880, № 1, стр. 5.

церкви и Золотых воротах, что явно абсурдно. Но в Киев из Владимира действительно уезжали через Золотые ворота. Считаю, что в протографе Ипатьевского списка имела место описка: в слове *делать* — писец пропустил конечный слог *ел* после *т*; при этой поправке, первоначальный текст должен выглядеть так: «Уже ли Киеву поеха господине в ту церковь теми Золотыми вороты их же делат[ел]ь послал бяше [к] той церкви на велицемь дворе на Ярославле, а река: хочю создати церковь таку же ака же ворота си Золота да будеть память всему отечьству моему». В таком чтении текст становится вполне ясным. Андрей действительно послал в Киев зодчих, строивших Золотые ворота во Владимире, желая построить на Ярославовом дворе церковь — такую же «Золотую», как эти ворота. Согласно нашему предположению, это были местные зодчие: характерно, что к ним применен и русский термин «делатели», тогда как западные строители определялись иностранным термином «мастер» от «maistre» — «magister».

Наконец, последним аргументом в пользу владимирского происхождения зодчих Золотых ворот является примечательное графитти на блоке белого камня в пятой (с востока) нише южной стены ворот. Здесь (рис. 6*б*) вверху изображен трезубец, представляющий упрощенную модификацию родового княжеского знака Рюриковичей,[62] встреченную нами дважды: в материале раскопок Владимирского детинца и Ярославского кремля; в первом случае трезубец был на глиняном грузиле от сетей, во втором на стенке глиняного горшка; оба предмета — из слоя XII в. Второй знак, вырезанный на камне ворот, вполне тождественен знаку на ступени пьедестала Боголюбовского кивория, относимого нами к концу строительства замка — 1165 г., т. е. времени, совпадающему с последней постройкой андреевских зодчих во Владимире — Золотыми воротами (1164). Как первый, так и второй знаки могут быть определены как знаки княжеских мастеров, метивших свои работы знаком князя, которому они служили своим искусством.

II. ВЛАДИМИРСКИЙ ДЕТИНЕЦ

1

В Лаврентьевской летописи под 6702—1194 г. мы читаем: «Того же лета заложи благоверный князь Всеволод Юрьевичь детинець, в граде Володимери, месяца июня в 4 день на память святого Митрофана патриарха Костянтинаграда».[63] Это строительное мероприятие Всеволода стоит в ряду других осуществленных им крепостных сооружений этого времени: в 1192 г. закладываются и заканчиваются рубленые стены Суздальского кремля;[64] в 1195 г., одновременно со строительством Владимирского детинца, Всеволод посылает тиуна своего возобновлять укрепления далекого Остерского городца[65] и закладывает деревянный «город» по гребню валов Переславля-Залесского, законченный в том же году.[66] Все эти крепостные сооружения времени «великого Всеволода», как называл его летописец, оставались неизученными, а по вопросу о Владимирском детинце спорили даже о его месте.

Несмотря на наличие совершенно убедительных литературных и исторических свидетельств о местоположении детинца и его границах, вопрос этот в литературе специального освещения не получил и был основательно запутан. Так, А. И. Бунин, автор серьезной работы по топографии города,[67] считал, что стена детинца тождественна с восточной линией земляных валов Среднего города, что, следовательно, Всеволод выделил из состава Мономахова города (каковым Бунин считал «ветчаной» — восточный и Средний город) среднюю часть, которая и образовала детинец.[68] Так же думал Н. А. Артлебен, считавший, что «Всеволод возобновил старую крепость», что сведения о закладке детинца говорят о «возобновлении Кремля после бывших пожаров».[69]

Истинное место и назначение стены детинца вскрывается последующими сообщениями летописей. Двумя годами позже закладки детинца, в 1196 г., епископ Иоанн ставит каменную церковь Иоакима и Анны «у детинца на воротех»,[70] которая вскоре и освящается;[71] Лаврентьевская и Воскресенская летописи дают иную версию, сообщая, что эта церковь была поставлена «на воротех святое Богородици»,[72] т. е. на воротах Успенского собора. По позднейшему житию владимирского князя Георгия Всеволодовича, епископ Иоанн заложил эту церковь «на своем дворе».[73]

---

[62] Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. СА, 1940, VI, стр. 247—248.

[63] ПСРЛ, I (изд. I), стр. 173.

[64] Там же, стр. 172.

[65] Там же, стр. 173.

[66] Там же.

[67] А. И. Бунин. К исторической топографии г. Владимира на Клязьме. ТВУАК, т. II.

[68] Критику работы Бунина и пересмотр основных вопросов топографии Владимира см. Н. Воронин, Социальная топография Владимира XII—XIII вв. ...

[69] Н. А. Артлебен. Владимирский Кремль-город по описной книге 1626 г. ВГВ, № 6. См. также Краткие исторические сведения о г. Владимире. ВГВ, 1901, № 26, стр. 3. С. Строганов считал детинец «дворцом» для детей Всеволода. Димитриевский собор. М., 1849, стр. 5.

[70] ПСРЛ, X, стр. 23; XX, 140; XXIII, 56.

[71] ПСРЛ, X, стр. 29—30.

[72] ПСРЛ, I, стр. 174; VII, 106 и др.

[73] В. Доброхотов. Памятники древности во Владимире Кляземском. М. 1849, стр. 103, прим. 28; стр. 105, прим. 29.

Таким образом выясняется, что ворота детинца с надвратной церковью Иоакима и Анны были в то же время воротами, ведшими к епископскому собору, а, следовательно, стояли где-то поблизости от него на склоне площади от собора к городу.

Здесь до начала XIX в. стояла старая шатровая колокольня собора, разобранная после повреждения молнией в 1806 г.;[74] в ней находилась под ярусом звона церковь Иоакима и Анны, упраздненная в 1783 г.[75] Изображение этой колокольни дают план города 1715 г.[76] и панорама города 1801 г. (рис. 9).

Рис. 9. Успенский собор во Владимире и его колокольня (по рис. 1801 г.).

Авторы первой половины прошлого века согласно признавали белокаменный куб основания этой колокольни за древние ворота и к древности же относили и надвратную церковь. Так, Доброхотов прямо пишет: «В 30 саженях от собора, в западной стороне его, находились обширные квадратные врата из белого камня с пространною в середине аркою [она еще видна на рисунке 1715 г.— *Н. В.*], над которой находилась церковь во имя св. Иоакима и Анны, заложенная 1 мая 1196 года... Впоследствии времени заложен был третий этаж для колоколов, оканчивавшийся конусом».[77] «...Подле этого здания еще до устройства на нем церкви, находился детинец...»[78] Тот же автор сообщает и об обстоятельствах гибели этого памятника, разобранного в начале XIX в. на материал для постройки существующей соборной колокольни: «все здание было разобрано до

[74] Доброхотов. Ук. соч., стр. 104—105.
[75] Н. В. Малицкий. Из прошлого Владимирской епархии. Вып. II, Владимир, 1907, стр. 17—18.
[76] Воронин. Социальная топография Владимира. Рис. 3 и 4 (№ 65) и стр. 168—169.
[77] Доброхотов. Ук. соч., стр. 103.
[78] Там же, стр. 105.

основания, которое в некоторых местах видно и доныне. Не мало времени и трудов употреблено на разборку этого необыкновенно прочного, священного памятника древности, который пощажен был монголами и временем».[79] Действительно, на панораме города (рис. 9) мы видим и описанную Доброхотовым колокольню, и справа от нее еще какие-то следы постройки в виде блоков белого камня, поросших травой,— может быть стены детинца.

Приведенные сведения с бесспорностью утверждают, что ворота детинца находились против городского собора и что стена детинца ограждала собор и южную часть среднего города и отделяла этот участок от остальной территории города. Детинец несомненно прикрывал и княжий двор у Димитриевского собора, следовательно ограждал княжеско-епископское поселение.[80]

Точное место ворот детинца указывалось разнообразно — на северо-запад от новой существующей колокольни в 30 саж. (Доброхотов), или в 7 саж., или в 55 шагах.[81]

2

В 1936 г., согласно изложенным предварительным данным, было определено место ворот детинца, и их массив открыт раскопками с северной и западной сторон, раскрыта также примыкающая с востока к воротам стена детинца: дополнительной поперечной траншеей обследована степень сохранности основного массива ворот. В 1937 г. была полностью завершена раскопка ворот, раскрыты западное крыло стены детинца и прилегающий к нему с юга участок двора детинца. Площадь, раскрытая в 1937 г., составляет 252 м², что вместе с площадью, вскрытой в 1936 гг., дает 400 м² (рис. 10).[82]

Площадь, исследованная в 1936—1937 гг., судя по панораме 1801 г., в начале XIX в. представляла весьма холмистую поверхность; теперь она совершенно ровная, слегка покатая к северу. Это результат нивелировки южной части площади в 1847 г., когда был снят и вывезен слой земли «более аршина». По сведениям, проникшим в местную печать, в снятой почве находили много кирпичей и полусгнивших бревен; в одном месте в песке была выкопана верхняя часть креста из белого камня с высеченными инициалами IC — XC; в другом месте было найдено 60 серебряных монет времени царя Михаила Федоровича.[83] Надо полагать, что эта нивелировка сняла слой, связанный с застройкой площади XVII — XVIII вв., показанный на плане 1715 г., а может быть захватила и более ранний слой.

Этим можно объяснить тот факт, что в частности стены детинца обнаружены почти непосредственно под дерновым покровом, равно как также лишь дерн прикрывал наилучше сохранившуюся западную стену ворот.

Площадь перед Успенским собором ограничена с востока и запада городским садом (б. Липки и Пушкинский бульвар — ныне городской Парк Культуры), разбитым в XIX в.[84] При его разбивке уровень этих участков по сторонам площади значительно понижен: земля была снята и вывезена. Таким образом, рассчитывать на сохранение здесь остатков стен детинца и старого культурного слоя не приходится. Интересно отметить, что при планировке Пушкинского бульвара были найдены остатки каких-то каменных сооружений и сделан ряд монетных находок.[85]

Кладка самих ворот оказалась действительно выбранной почти до основания; ворота лежали под землей в виде оплывших масс бута, ограниченных внизу кладкой белокаменной коробки стены; только внешняя поверхность западной стены ворот сохранила четыре ряда камня, в остальном мы имеем лишь нижние логовые камни, выстилающие забутку рвов фундамента и лежащие от современного уровня дневной поверхности на глубине от 1.5 до 2 м.

В связи с выборкой камня, производившейся путем широких канав вдоль разбиравшихся стен, стратиграфия на всей площадке ворот совершенно нарушена; эти канавы были ясно видны в обрезе раскопа (рис. 11). Не тронутым остался лишь массив земли в самом пролете ворот и около хорошо сохранившейся их западной стены. Основная же верхняя толща культурного слоя представляет совершенно безотрадную перерытую массу земли, пронизанную известковым и кирпичным щебнем, а иногда и чистого щебня.

Раскопка западной стены ворот до деталей подтвердила предварительные данные источников о памятнике. У юго-западного угла нижнего куба колокольни на панораме 1801 г. обозначена какая-то покрытая особой кровелькой выступающая часть (рис. 9); угол ворот в

---

[79] Там же, стр. 104—105; И. Ф. Дмитриевский. О начале Владимира, что на Клязьме, СПб., 1802, стр. 297.

[80] Е. Голубинский считал владимирский детинец просто «соборной оградой», причем ошибочно относил его ко времени Андрея Боголюбского. История русской церкви. Т. I, ч. 2, стр. 158, прим. 1.

[81] А. Виноградов. История Успенского собора во Владимире. Владимир, 1905, стр. 69; ЖМВД, 1839, № 9, стр. 437.

[82] Раскопки 1936—1937 гг. велись на средства Всероссийской Академии художеств (1936 г.), Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра и Владимирского музея (1937 г.). В раскопках участвовали: Н. Н. Воронин (начальник экспедиции), Н. А. Левитский (помощник начальника), научный сотрудник ГАИМК В. Н. Полторацкая, сотрудник Владимирского музея Б. И. Григорьев. Коллекции хранятся во Владимирском областном музее.

[83] ВГВ, 1847, № 26; 1854, № 20

[84] Пушкинский бульвар был разбит в 1815 г. (ВГВ, 1865, № 29, стр. 156).

[85] ВГВ, 1853, № 36, стр. 200.

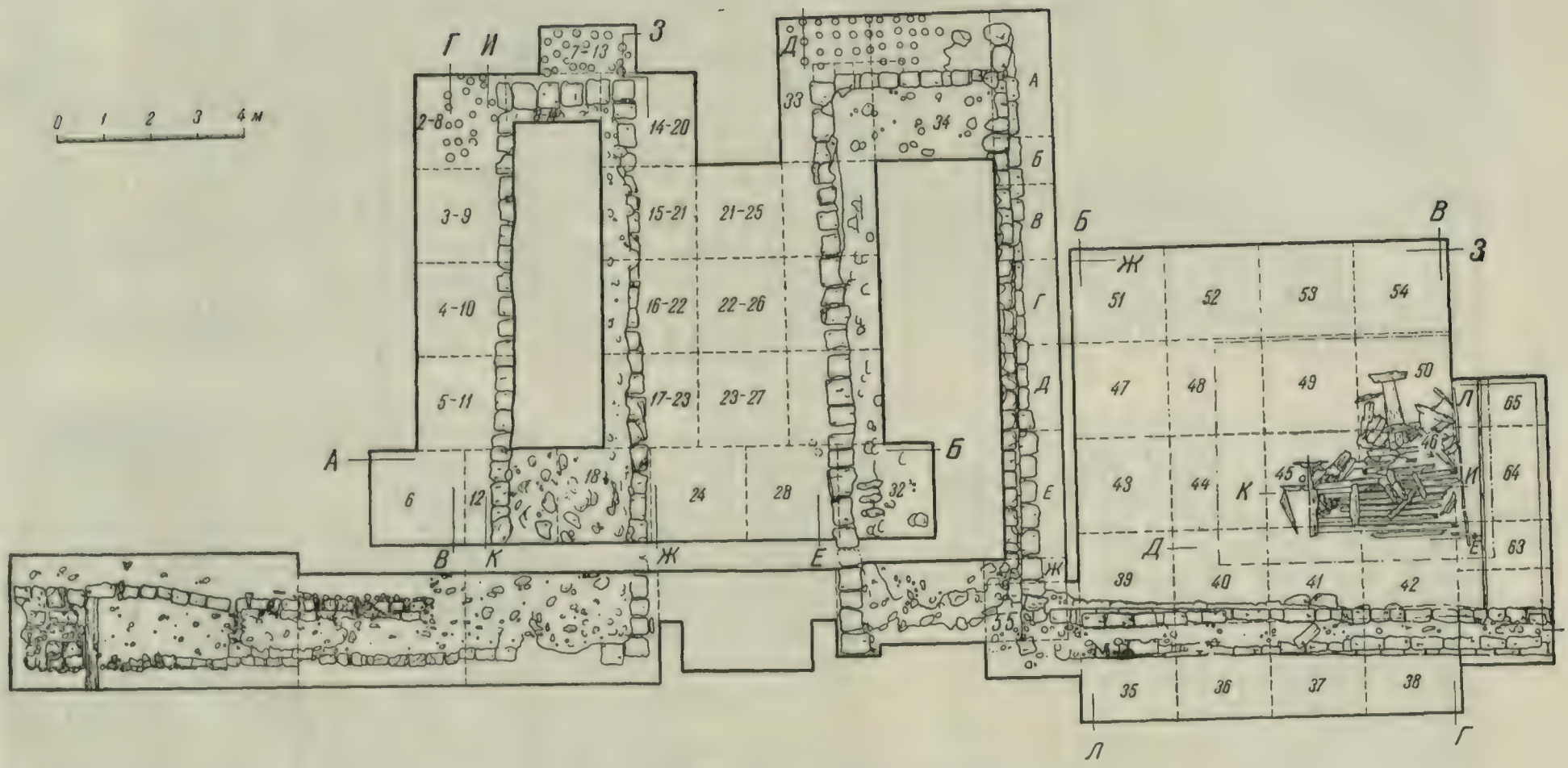


Рис. 10. План раскопок укреплений детинца.

этом месте деформирован и обколот. Раскопка обнаружила, что именно этот угол особенно сильно разрушался, камни покрыты сетью трещин, отколов и пр.; он был подперт кирпичным контрфорсом, от которого сохранился сложенный из крупной булыги фундамент, на известковом растворе с кирпичным щебнем. Вследствие сильного разрушения камней этой части стены она и не подверглась разборке на материал для новой колокольни собора, сохранив, как сказано, четыре ряда кладки (рис. 12). Блоки камня разномерны, кладка не всегда в перевязь, часто вертикальные швы совпадают друг с другом; нижний цокольный ряд камня выложен из идеально тесаных продолговатых блоков и образует небольшой выступ (рис. 13*а*). Сразу под ним идет последний ряд камня собственно фундамента, значительно выступающий в стороны; он лежит уже на уровне материка и представляет собой кладку из грубо обработанных камней, положенных непосредственно на забутку рвов; последняя состоит из известнякового и булыжного бута на известковой со значительной примесью песка заливке, отличной от цементирующего раствора бута стен ворот, в котором, кроме того, примешан древесный уголь. Бут фундамента заполняет рвы целиком; глубина заложения фундамента равняется 3.60 м от современной поверхности и 1.90 м от низа цоколя.

В остальных частях ворота сохранили лишь логовые камни фундамента (рис. 13*б*), что лишает нас возможности с определенностью судить о деталях конструкции здания.

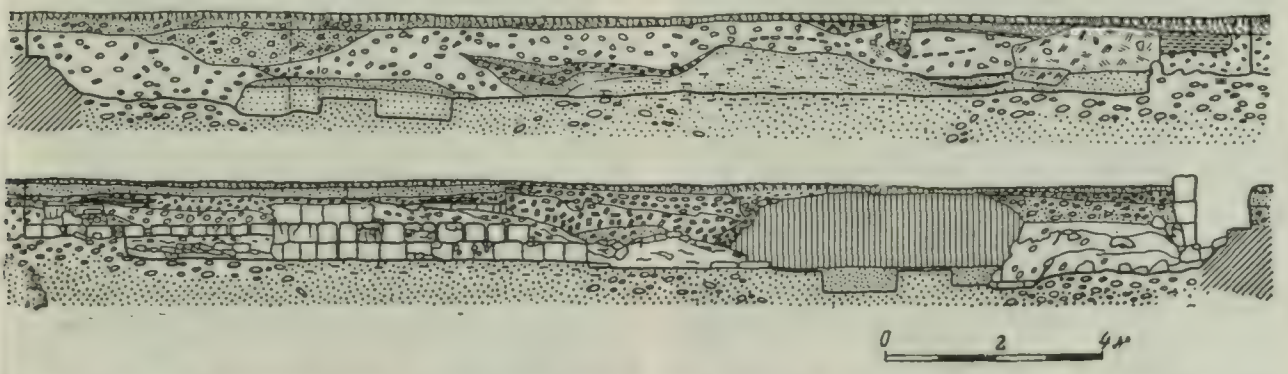


Рис. 11. Южный профиль раскопа восточного крыла стены и ворот детинца (обозначения см. при рис. 15).

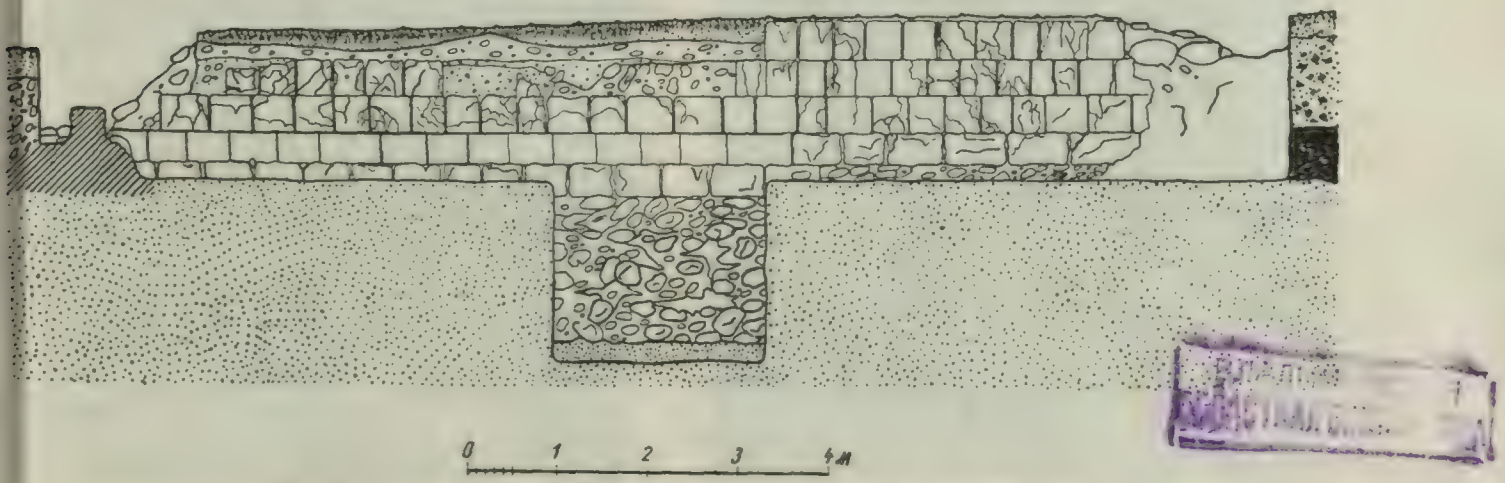


Рис. 12. Западный пилон ворот. Фасад (обозначения см. при рис. 15).

В плане (рис. 10) ворота почти квадратны (12.5 × 12 м) и представляют, подобно владимирским Золотым воротам, два параллельных продолговатых пилона, перекрытых, очевидно, коробовым сводом. Пролет ворот ориентирован с юга на север. Ввиду исчезновения стенных камней пролета нельзя утверждать, что на его стенах были лопатки и, следовательно, что свод ворот имел подпружные арки, как это имеет место в Золотых воротах; также неизвестно, была ли здесь малая арочная перемычка для воротных полотнищ, которую можно предполагать, учитывая высоту арки ворот (судя по рисунку 1801 г., она равнялась примерно 10 м) и аналогию Золотых ворот. В отличие от последних боковые — восточный и западный — фасады ворот не имеют ниш,

кр. 4013

здесь ненужных, так как их задачей в Золотых воротах является сцепление куба ворот с насыпью примыкающих непосредственно земляных валов, здесь же к воротам примыкали стены. Западный пилон ворот толще восточного (западный — 4 м, восточный — 3 м) — в нем, несомненно, помещалась каменная лестница, перекрытая ступенчатым или ползучим

а

б

Рис. 13.

а — западный пилон ворот, цоколь; *б* — логовые камни фундамента восточного пилона ворот.

сводом и выводившая на верх ворот и в епископскую надвратную церковь; лестница не сохранилась. По своей основной архитектурной идее ворота детинца представляют уменьшенную и упрощенную реплику городских Золотых ворот.

Интересной, но не вполне понятной технической особенностью постройки является крепление глинистого грунта с южной стороны ворот рядами коротких свай, от них сохранились лишь пустоты, заполненные древесным тленом[86] (рис. 14). Длина сваи 0.75 — 1.00 м, толщина 10—15 см, конец заострен, иногда обожжен — по сути дела это короткие колья, а не сваи. Как удалось установить, эти колья забивались уже после закладки фундаментов и выкладки первых рядов камня,— свая прорезает выдавленную из рва известковую корку, до которой только и доходят концы свай. С других сторон свай нет. Вероятно они служили укреплением пластичного грунта с южной стороны, сменяющегося к северу плотным красным песком. Общее представление о положении свай и сохранившихся кладках пилонов ворот дают разрезы раскопа на рис. 15.

К северным углам ворот с востока и запада примыкает стена детинца (рис. 10). При полном молчании источников о ее характере было большой неожиданностью, что стена оказалась сложенной из камня.[87] Кладка восточного крыла по горизонтали (рис. 11) отвечает рядам кладки самих ворот; однако перевязи,

[86] Вследствие полной разрушенности свай породу дерева не удалось определить.

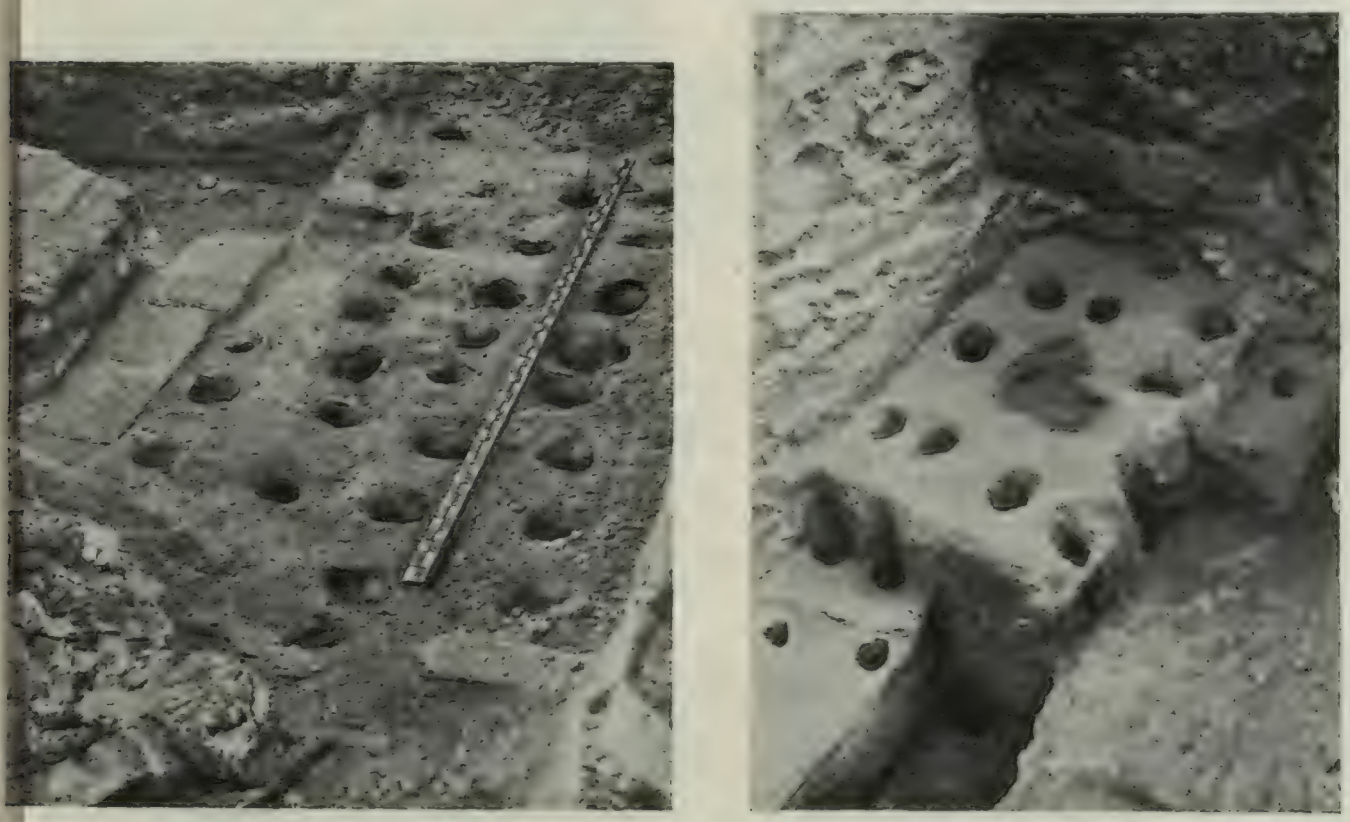
[87] Не знаем, какие данные позволили П. Полевому считать владимирский детинец каменным. Очерки русской истории в памятниках быта. СПб., 1880, ч. II, стр. 156.

видимо, не было; западное же крыло приложено впритык; однако и здесь и там начало кладки стены лежит на одном уровне. Это обстоятельство, а равно и стратиграфические условия позволяют считать несомненной одновременность ворот и стены. По характеру камня, технике кладки и масштабу стены выполнены гораздо грубее и проще, чем ворота.

лого камня (диам. 0.49, длиной 0.49 м) в основании западного крыла (рис. 18).

Если доверять миниатюре XVI в. (рис. 19), то стены завершались зубчатым бруствером, что вполне вероятно. Детинец имел вполне боевой характер.

Оба крыла стены обследованы на всем их протяжении. Восточное крыло обрывается на



а *б*

Рис. 14.

а — сван у юго-западного угла ворот; *б* — сван у юго-восточного угла ворот.

Стена не ровна, сравнительно тонка (от 1.00 до 1.70 м). Восточное крыло (рис. 11 и 16*а*) сложено из постелистых блоков сероватого слоистого известняка. Западное крыло (рис. 16*б* и 17) характеризуется нерегулярной кладкой из туфовой плиты; здесь и там проще известковый раствор — он не имеет угольной примеси и близок по составу заливке фундамента ворот; [88] в буте преобладает мелкий булыжник. Легкость стены позволила строителям отнестись почти небрежно к фундаменту, он скупо пролит известью, но сильно пересыпан песком; вместе с бутовым камнем сюда запущены отдельные бракованые детали, таковы два камня от круглых колонн, тесаных из бе-

расстоянии 11 м от северо-восточного угла ворот; дополнительные в восточном направлении разведочные раскопы подтвердили, что на остальном участке площади перед собором стена разобрана начисто. В восточной части стена повреждена позднейшей встройкой небольшой бревенчатой клети, от которой сохранилось одно бревно; по характеру культурных остатков эта встройка синхронна всему пласту строительного мусора, прикрывающего стену (XVII—XVIII вв.).

Западное крыло стены заполняло пролет между воротами и западным валом и обрывом Среднего города. Как показали разведочные раскопы, в западном направлении стена обрывается на склоне от соборной площади к Пушкинскому бульвару, уровень которого был значительно понижен при нивелировке садовых дорожек в 1853 г. [89]

[88] По характеру раствор этот близок раствору фундамента южной лестничной башни Димитриевского собора. См. Н. Н. Воронин. К архитектурной истории Димитриевского собора. КС ИИМК, вып. XVII. М., 1947.

[89] ВГВ, 1853, № 36, стр. 200.

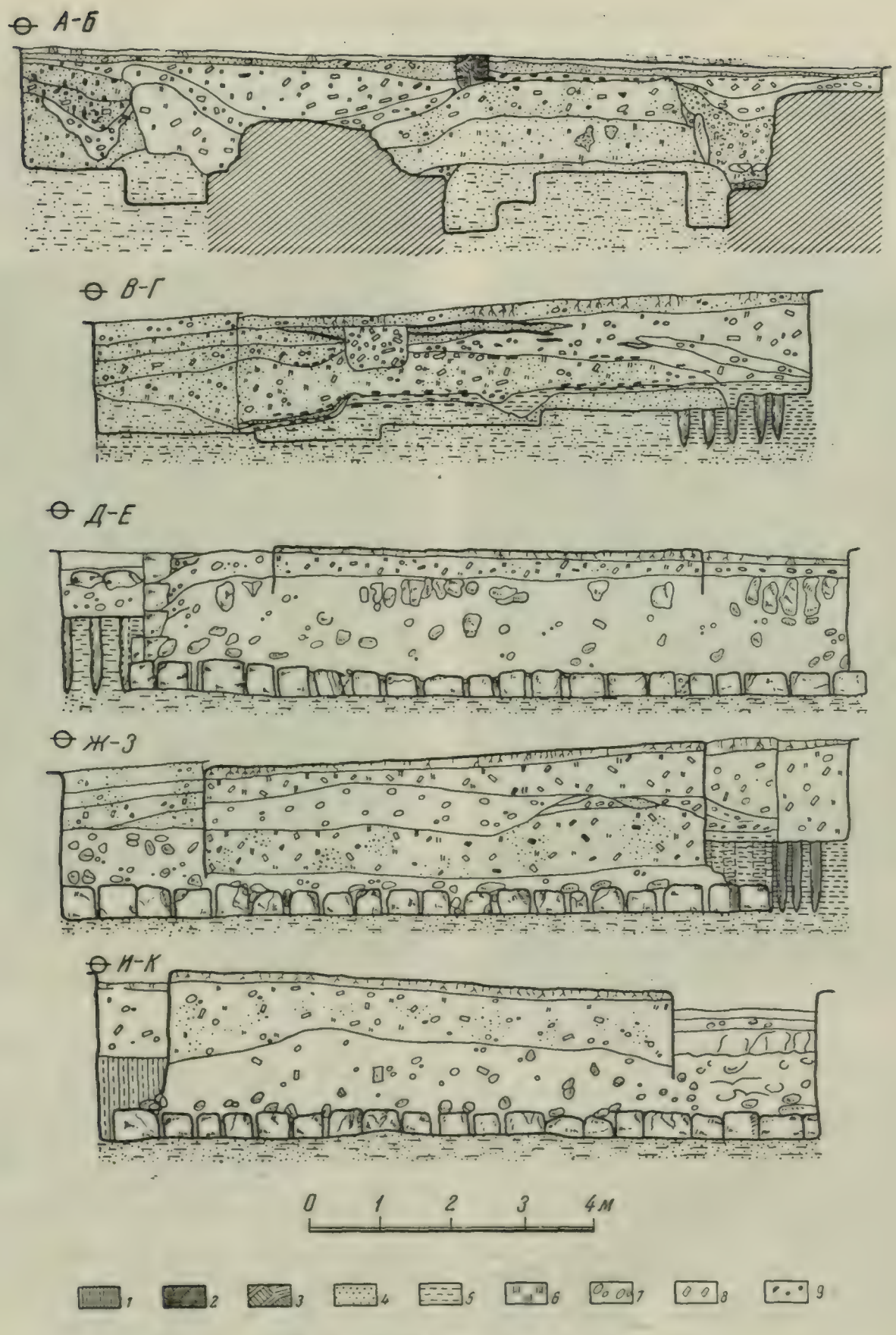


Рис. 15. Профили раскопа ворот детинца.

1 — слой в пролете ворот; *2* — черный культурный слой двора; *3* — ямы, перекопы; *4* — песок; *5* — глина; *6* — земля; *7* — известь и белокаменный щебень; *8* — кирпич и кирпичный щебень; *9* — уголь.

Таковы остатки Всеволодовой цитадели, опоясавшей камнем епископский и княжеский дворы во Владимире. Повторим, что вряд ли можно сомневаться, что стены княжеского детинца не ограничивались территорией епископского двора (как предполагал Голубинский и как это изображено на миниатюре XVI в.); следует думать, что она шла далее на восток, охватывала княжеский двор с Димитриевским собором и, наконец, смыкалась со стеной придворного Рождественского монастыря, занимавшего юго-восточный угол Среднего города. Монументальный боевой характер укреплений детинца свидетельствует об остроте и напряженности классовой борьбы в городе, не потухшей после восстания 1174 г. и убийства Андрея Боголюбского. «Мятеж» 1177 г., с которым столкнулся и Всеволод, какое-то городское волнение, связанное со страшным пожаром Владимира 1185 г., когда «на крестьянском роде страх, колебание и беда упространися», наконец пожар 1193 г., когда сгорела половина укреплений города, а двор Всеволода едва отстояли, но «много зла учинися» — все эти факты говорят о тревожной атмосфере в столице. Трещина в «союзе горожан и королевской власти» углублялась. Но Всеволод мог, опираясь на свое установившееся могущество, не считаться со своими союзниками. Каменный панцырь детинца стал между княжеско-епископским двором и городом, он гарантировал безопасность владимирских владык от неожиданных осложнений и прикрывал их хоромы и храмы от опасного соседства горючего деревянного города.[90]

а *б*

Рис. 16.

а — деталь восточного крыла стены детинца; *б* — западное крыло стены детинца в процессе раскопа.

8

Раскопки дали материал и для суждения о характере и формах исчезнувшей епископской надвратной церкви Иоакима и Анны 1196 г.

Миниатюра XVI в. (рис. 19) ничего не дает для суждения о внешнем виде надвратной церкви: она ее фактически не изображает, завершая условные ворота непосредственно четырехгранным покрытием.

[90] Подробнее см. в нашей работе «Социальная топография Владимира», стр. 159—161.

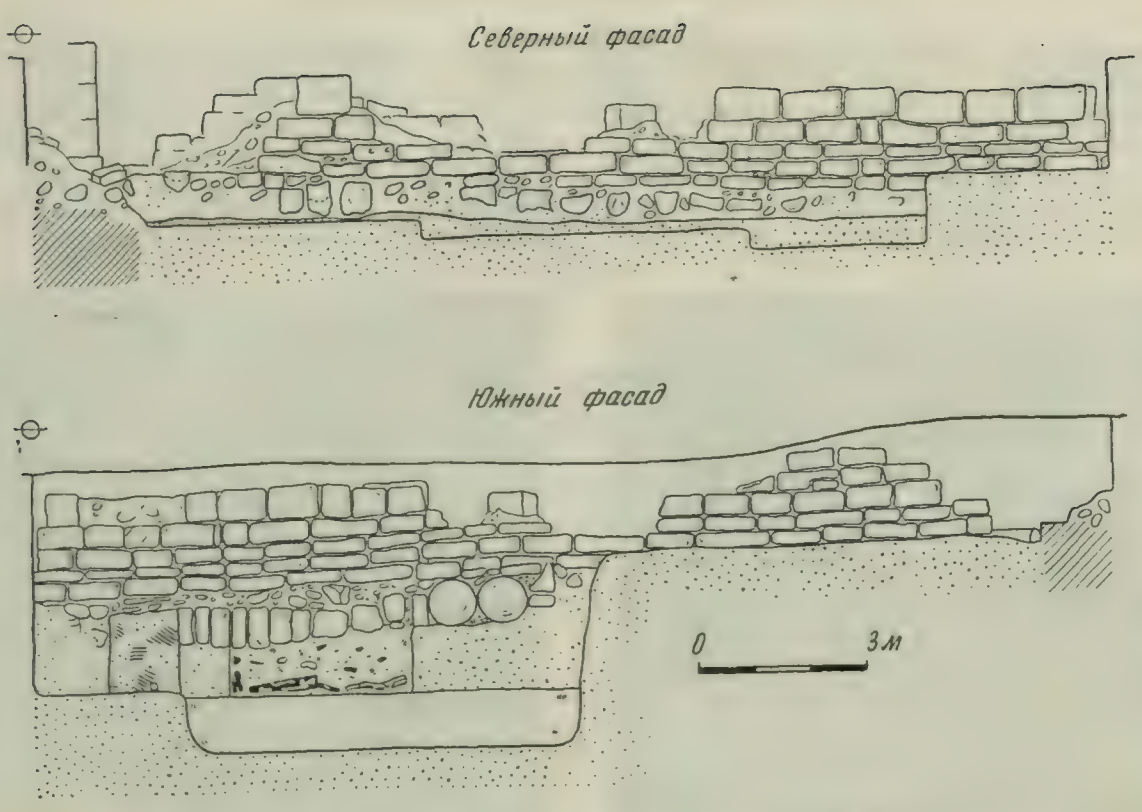


Рис 17. Западное крыло стены детинца. Фасады (обозначения см. при рис. 15)

Рис. 18. Части колонн в кладке западного крыла стены детинца.

На изображении соборной колокольни — ворот детинца на панораме 1801 г. на верхней площадке нижнего куба возвышается «четверик» под «восьмериком» звона и шатра. Внутри четверика до 1783 г. помещалась ц. Иоакима и Анны. Возникает вопрос: передает ли

Рис. 19. Детинец по миниатюре Лицевого летописного свода XVI в.

рисунок фасады старой (1196 г.) церкви или же перед нами сменившая ее постройка XVII в.? Фасады четверика членятся на 4 части узкими лопатками: несомненно это членение вполне декоративно. Исходя из размера ворот, помещавшаяся на них церковь могла иметь размеры не более 8—9 м по стороне: вокруг нее должен был оставаться обход верхней боевой площадки. При этих миниатюрных масштабах церковь не могла иметь столбов, которым отвечали бы лопатки фасадов. Скорее всего она была бесстолпной церковью, подобной с.-в. капелле — усыпальнице черниговского Спасского собора, также имевшей настенные лопатки.[91] Можно, однако, предполагать, что заложенные в основание западного крыла детинца бракованые обломки белокаменных сравнительно легких колонн могли иметь отношение к конструкции надвратной церкви. Не имела ли она круглых колонн, поддерживавших своды? Все это, как и вопрос о верхе надвратной церкви, остается в области догадок.

Раскопки принесли лишь ряд фрагментов, относящихся к внешнему и внутреннему убранству епископской церкви.

Наиболее крупный резной камень найден в обвале около западной стены ворот,— плоский белый камень с одним полукруглым ребром, на котором вырезана пальметка в удлиненном овале. Аналогичный камень есть в коллекциях ГИМ.[92] Это камень косяка портала, часть его полуколонки (плита ставилась вертикально, рис. 20). Можно предполагать, что маленькая епископская церковь имела лишь один портал с западной стороны; таких камней с других сторон не найдено. Обломок камня с аналогичным орнаментом (пальметка в овале) найден у юго-восточного угла ворот (рис. 21, *а*).

Церковь имела аркатурно-колончатый фриз. Найдены: обломки фустов колонок без резьбы (один с гнездами для металлических штырей), деформированный фрагмент консоли с углублением для фуста и обломок клинчатой консоли; фриз следовал старой системе, когда колонки выступают из плоскости стены, а не «врезаны» в нее; капители фриза были повидимому тождественны капителям фриза Дмитриевского собора (рис. 21, *д*), но наряду с ни-

Рис. 20. Резной камень от портала надвратной церкви (слева) и камень из коллекции ГИМ (справа).

ми встречены фрагменты капителей с простыми пальметками (рис. 21, *ж*), что свидетельствует о разнородности и невыдержанности фриза. Характерно, что на этих обломках капители заметны следы окраски (красный тон).

Все другие найденные обломки резного камня представляют растительную орнаментацию или профилеванные детали. Только один маленький фрагмент (рис. 25, *а*) позволяет предположить наличие изображений животных — осколок рельефа представляет, возможно, бедро ноги зверя с характерной спиральной штриховкой. Возможно, что к резному

[91] М. Макаренко. Чернігівський Спас, Київ, 1929, табл. IIа.

[92] Коллекция рельефов Успенского собора, № 125.

Рис. 21. Фрагменты резных камней.

убранству надвратной церкви относится и найденный здесь в 1847 г. резной из белого камня крест, что естественно для епископской домовой церкви.[93] Как мы отмечали в другой работе, епископ Иван украсил отремонтированный им в 1194 г. Суздальский собор вставкой в его фасад большого белокаменного закладного креста с высеченной надписью «похвалой кресту».[94]

Большое количество мелких обломков листовой меди, иногда сохранившей позолоту, найденных по периферии ворот говорят об известной еще из построек Боголюбского отделке фасадных деталей вызолоченным металлом.

Несколько мелких кусочков штукатурки с фреской и большое количество широкошляпочных левкасных гвоздей указывают на роспись надвратной церкви (найдены фрагменты зеленого, коричневого, желтого цвета).

К внутреннему же убранству церкви относятся мелкие поливные цветные фасонные плиточки (рис. 22) и крупные плитки пола. Первые очень тонки (0,75 см) и вряд ли использовались для полов, материал хрупок — белая глина, тон преимущественно желтый, одна плиточка — зеленая; и по величине, и по облику они похожи на фарфоровые чашечки с акварелью. Эти пластинки сажались в известковый раствор, их края скошены, из них набирали возможно и узорные стенные панели. По их формам можно судить и о характере орнамента. Это: прямоугольники со слегка вогнутыми короткими — и слабо выгнутыми длинными сторонами; квадраты с вогнутыми сторонами. Они могут представлять и остатки узорного звездчатого пола, подобного полу в апсиде Успенского собора.[95] Епископская церковь имела такую же богатую отделку как и епископский Успенский собор.

Крупные поливные плитки из раскопок 1937 г. изучены В. А. Александровским, и их характеристика дается ниже в особой статье. Плитки, найденные в 1936 г., несколько отличны и заслуживают самостоятельного упоминания. Плитки прямоугольны и покрыты узорчатой или одноцветной глазурью (рис. 23), их размер 17 × 17 см при средней толщине 3 см и колебанием от 2.8 см до 4.0 см (с одноцветной поливой) и 13 × 13 при толщине 2 см (с разноцветной поливой); края скошены для посадки в цементирующий раствор, особого бортика на дне нет. По расцветке плитки разнообразны: 1) гладкая молочно-желтая, 2) желто-зеленая с белыми крапинками, 3) с белыми жилками по коричневому полю, 4) с зеленовато-желтыми жилками по темно-зеленому полю, 5) с черными кружками по молочно-желтому полю. Орнамент на плитках слегка выпуклый, натечный, глазурь имеет полупрозрачную или матовую поверхность. Плитки формовались двумя способами: в формах и без них.

Если принять среднюю площадь, подлежащую вымостке, в 100 м², потребность в плитке выразится в количестве 3460 штук. Данный

Рис. 22. Поливные „мозаичные" плитки.

заказ, насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, исполнялся в пяти мастерских.[96]

Наборные из поливных плиток полы впервые появились в архитектуре Киевской Руси, а в XII в. получили широкое распространение в зодчестве русских княжеств. Они известны в Софийском соборе в Киеве,[97] Зарубском монастыре,[98] храме и гражданских постройках Белгорода,[99] Переславле Южном,[100] киевских храмах так называемого «Симеона на Кудрявце»[101] и Никиты,[102] Зверинецких пещерах под Киевом,[103] далее во Владимире

[93] ВГВ, 1854, № 20.

[94] Н. Н. Воронин. Новые памятники русской эпиграфики XII в., СА, VI, Л., 1940, стр. 311—313.

[95] В. К. Трутовский. Отчет о реставрации Успенского собора во Владимире. «Древности» МАО, вып. XVI, табл. I. Более массивная крестообразная желтая плитка найдена нами при раскопках 1936 г. в Суздальском кремле.

[96] Подробнее см. ниже статью Александровского.

[97] Д. Милеев. Древние полы в Киевском соборе св. Софии. СПб., 1911 (оттиск из сборника в честь А. Бобринского).

[98] Шероцкий. Киев. Киев, 1917, стр. 345.

[99] Н. Д. Полонская. Археологические раскопки В. В. Хвойко. 1909—1910 гг. в местечке Белгородке. М., 1911, табл. III — V; В. В. Хвойко. Древние обитатели среднего Приднепровья. Киев, 1913, стр. 92—94; Прибавл. к 34 вып. ИАК, стр. 182—185.

[100] П. Лашкарев. Церковно-археологические очерки. Киев, 1898, стр. 22.

[101] Там же, стр. 167—168.

[102] Археологические известия и заметки. 1897 г., стр. 221.

[103] И. Каманин. Зверинецкие пещеры в Киеве, стр. 31.

Волынском,[104] Галиче,[105] Дрогичине и Гродно.[106] На севере они известны в Смоленске,[107] Старой Рязани[108] и в Нередицкой церкви под Новгородом.[109]

Но едва ли не наиболее широко этот прием был развит в архитектурных памятниках Владимирской земли. Наиболее ранние поливные плитки встречены нами при раскопках в Спасо-Преображенском соборе в Переславле-Залесском,[110] далее в Боголюбовском дворце[111] в церкви Спаса во Владимире 1164 г.[112]

Есть указания, что подобные же плитки находились при раскопках К. Н. Тихонравова под Владимиром — на Федоровском холме,[113] с которым связывается предание о постройке здесь князем Андреем церкви Федора Стратилата.[114] Следовательно, в строительстве Боголюбского мы имеем первый опыт производства и применения этого отделочного материала. При Всеволоде и позже этот род убранства получает дальнейшее развитие. Подобные плитки были найдены в соборе владимирского Рождественского монастыря, построенного почти одновременно с детинцем (1192—1195 гг.),[115] в соборе «Княгинина» монастыря во Владимире (1200—1202 гг.)[116] и, наконец, в Суздальском соборе (1222—1225 гг.).[117] Плитки надвратной церкви детинца ближе всего к плиткам «Княгинина» собора, на их

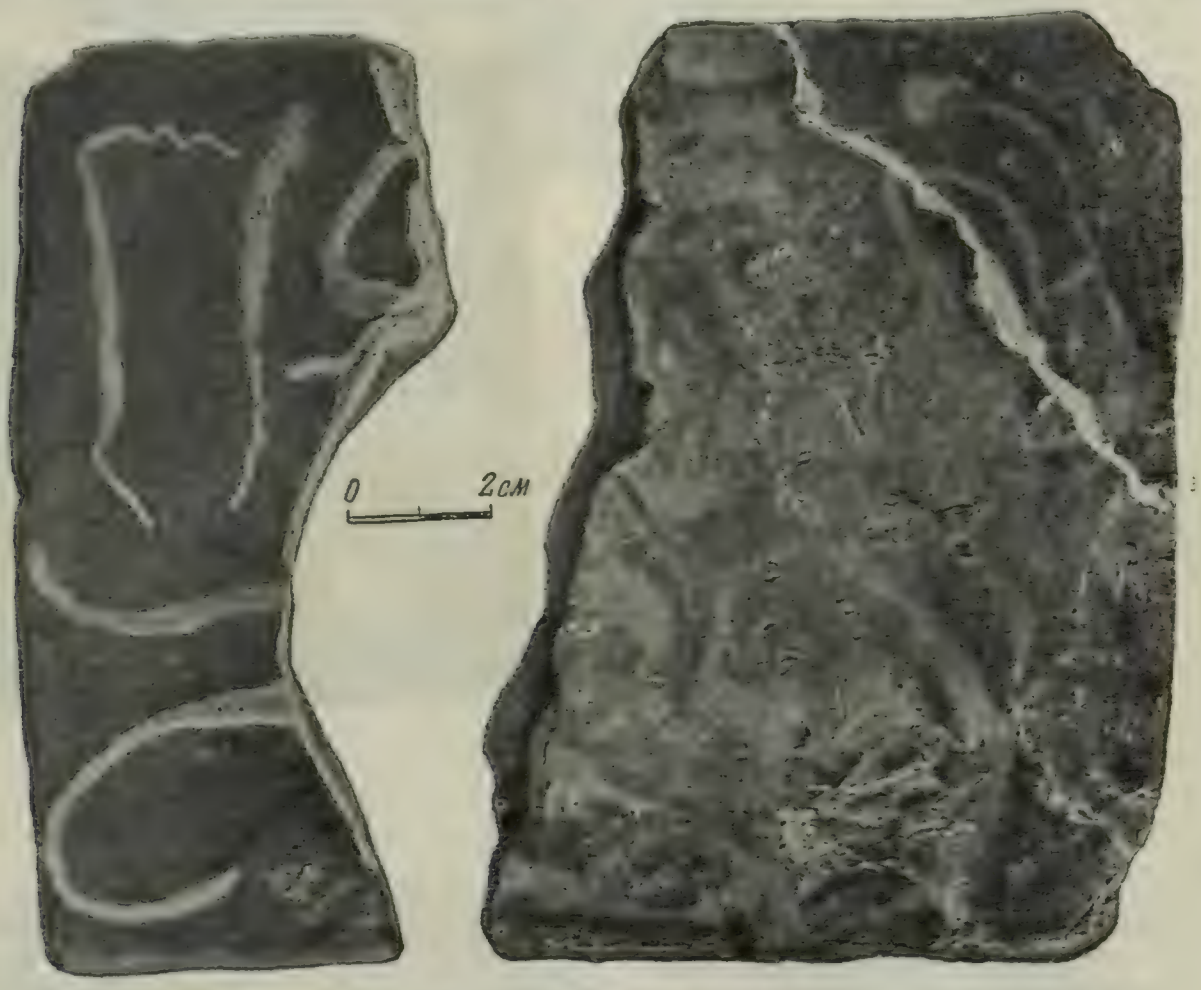


Рис. 23. Поливные плитки пола.

[104] Отчет Гос. Исторического музея за 1907 г., стр. 11.
[105] Д. Н. Бережков. О храмах владимиро-суздальского княжества. Владимир, 1902, стр. 127; Я. Пастернак. Старый Галич. Краков, 1944.
[106] Гродненский музей.
[107] Древности МАО (Труды комиссии по сохранению древних памятников), т. IV, М., 1912, стр. 295.
[108] Рязанский музей, П — I, № 446 и 447; рязанские плитки наиболее близки по технике и стилю Белгородским.
[109] П. П. Покрышкин. Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви. МАР, № 30. СПб., 1906, стр. 6.
[110] См. выше наш отчет о раскопках в Переславле-Залесском.
[111] Н. Н. Воронин. Замок Андрея Боголюбского. Архитектура СССР, 1939, № 11.
[112] Наши разведки 1938 г.
[113] К. Н. Тихонравов. Археологические изыскания во Владимирской губернии. ТВГСК, вып. II. Владимир, 1864, стр. 127.
[114] В. Доброхотов. Древний Боголюбов город. М., 1852, стр. 98.
[115] Тихонравов. Ук. соч., стр. 127.
[116] Наши разведки 1938 г.
[117] А. Д. Варганов. К архитектурной истории Суздальского собора. КС ИИМК, вып. XI. М.— Л., 1945

тыльной стороне есть выпуклая рамка, а в центре также выпуклый кружок или квадрат.

Владимирские плитки по сравнению с белгородскими отличаются большей грубостью техники и рисунка; белые известковые глины юга, дающие плотный прочный черепок, допускали минимальную толщину плитки (1—1.5 см), владимирские плитки из красной грубо обработанной глины толсты (до 3 см) и велики, цветной рисунок не достигает сложности и изящества южных прототипов.[118]

Таким образом, белокаменные ворота детинца завершались епископской церковью Иоакима и Анны; в отношении убранства фасадов она очевидно стоит ближе к обработке собора

ду от ворот, но и в слое XIV в. Может быть время разрушений и заброшенного состояния церкви следует вести от татарского налета на Владимир в 1293 г., когда было выдрано «медяное дно» из Успенского собора и когда владимирский епископ в своем послании князю жаловался на плохое состояние епископских храмов.[119]

Интересны найденные при раскопках отдельные декоративные детали шатровой колокольни XVII в.; она была богато украшена красными и поливными изразцами; возможно, в ширинках галлереи были вставлены большие зеленые поливные тарелки (диам. 45 см); найден один обломок такого блюда со следами из-

Рис. 24.

а — изразец с маской; *б* — энколпий.

Рождественского монастыря и Всеволодовых обстроек Успенского собора, нежели к Дмитриевскому собору — применение резного камня было видимо ограниченным. Расписанная внутри фреской, с полами из цветных плиток и наборных узоров, она была, однако, не менее пышной постройкой, чем княжеский придворный собор.

Надвратная церковь 1196 г. разрушалась, очевидно, давно или же долго находилась в заброшенном состоянии после 1238 г.; во всяком случае описанные резные фрагменты были не только в подсыпном слое песка к запа-

весткового теста на обороте. В покрытиях была применена зеленая городчатая черепица.[120]

Характерно, что среди поздних красных изразцов, печных и архитектурных, встречаются явные пережитки владимиро-суздальской пластики.[121] Таков, например, четвертной карнизный вал, по которому идут человеческие маски, сопровождаемые растительным орнаментом (рис. 24, *а*).

4

Переходим к характеристике культурного слоя, перекрывавшего описанные архитектурные памятники, и основных категорий находок.

Как мы отмечали выше, основной верхний массив слоя перерыт при разборке камня ворот

[118] Все данные по майоликовым полям, полученные в итоге моих раскопок и детально изложенные в моей неопубликованной диссертации «Памятники Владимиро-Суздальского зодчества XI—XIII вв.», хранившейся в архиве ИИМК в Ленинграде, были перепечатаны в статье М. К. Каргера «К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода» в «Трудах Всероссийской Академии художеств», т. I. Л., 1947, стр. 45—50.

[119] ПСРЛ, X, стр. 169; Макарий. История русской церкви, т. V, СПб., 1886, стр. 400—401.

[120] Ранее найденные изразцы изданы А. И. Ивановым. «Забытое производство». Владимир, 1930, стр. 14.

[121] Там же, стр. 6, 10, 50.

и представляет собой напластования строительного щебня и мусора, перемешанного с землей. Лишь к северу от восточного крыла стены и около восточного пилона ворот сохранились

XII—XIII вв. относится ряд предметов. Крышка медного энколпного креста (рис. 24, *б*) с изображением распятия, выполненного в выемчатой технике зеленой, черной и желтой

Рис. 25.

а — резной камень; *б* — подвеска; *в* — грузило с тамгой.

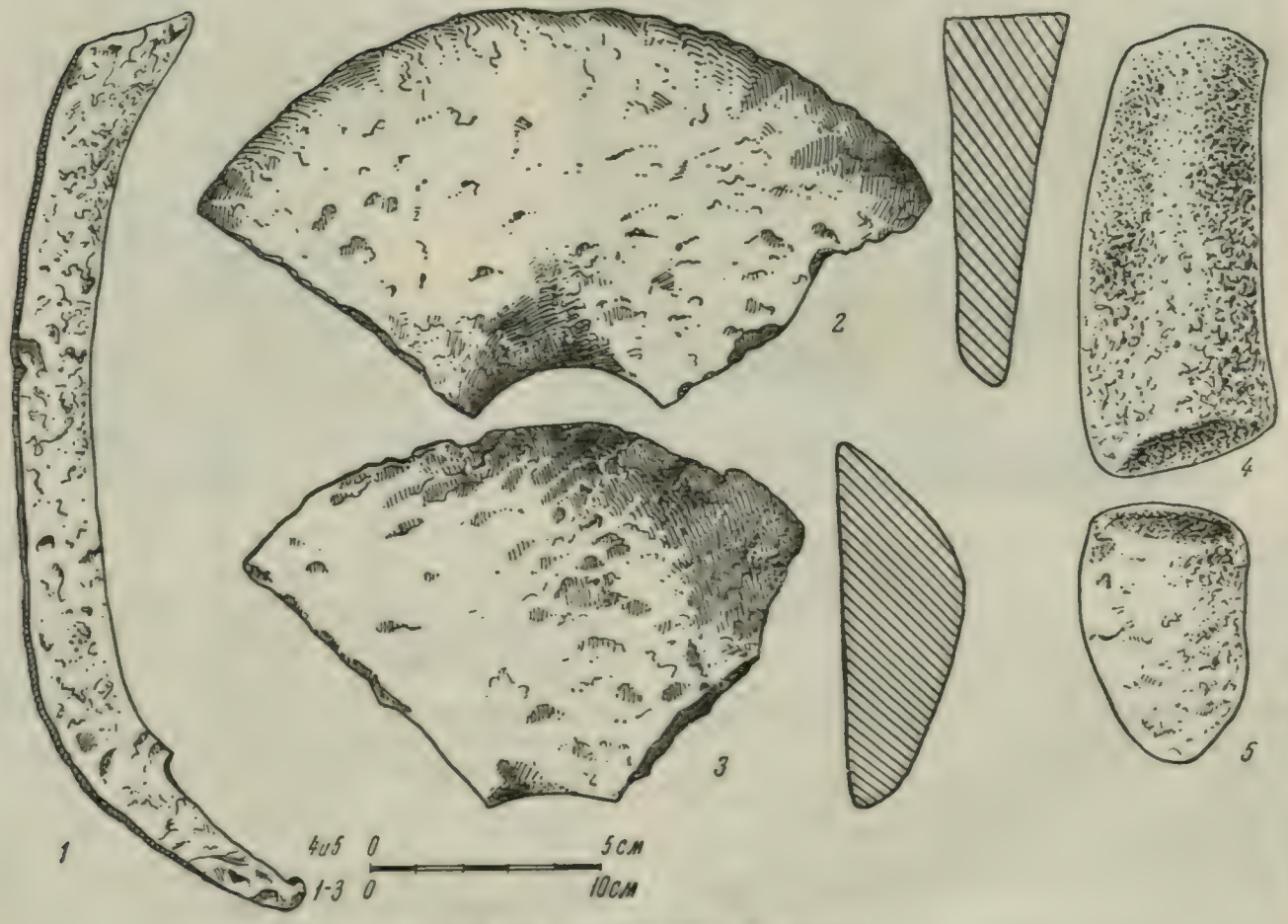


Рис. 26. Горбуша, жернова, пестики

нетронутые участки культурного слоя XII в.; с запада к воротам примыкает мощный слой XII—XIV вв., и эту часть мы рассмотрим вместе с изучением материалов двора детинца.

К нетронутым участкам культурного слоя

эмалью; над распятием фигура ангела и над[пись]: ИС ХС., по бокам две поясных фигуры предстоящих, в подножии адамова голова; по[перекрестьем] весьма грубая надпись: НИКА — (И)ВНЪА. По типу и палеографии энколпи[й]

принадлежит XII—XIII вв. (ближайшая аналогия в собр. Ханенко).[122] Бронзовая прорезная шумящая подвеска в виде курицы (рис. 25, *б*), находящая аналогию в подвеске двойная).[125] Около самой стены детинца найдена коса-горбуша примитивной формы (рис. 26, *1*); любопытно, что этот тип косы не употребляется в сельском хозяйстве владимирско-

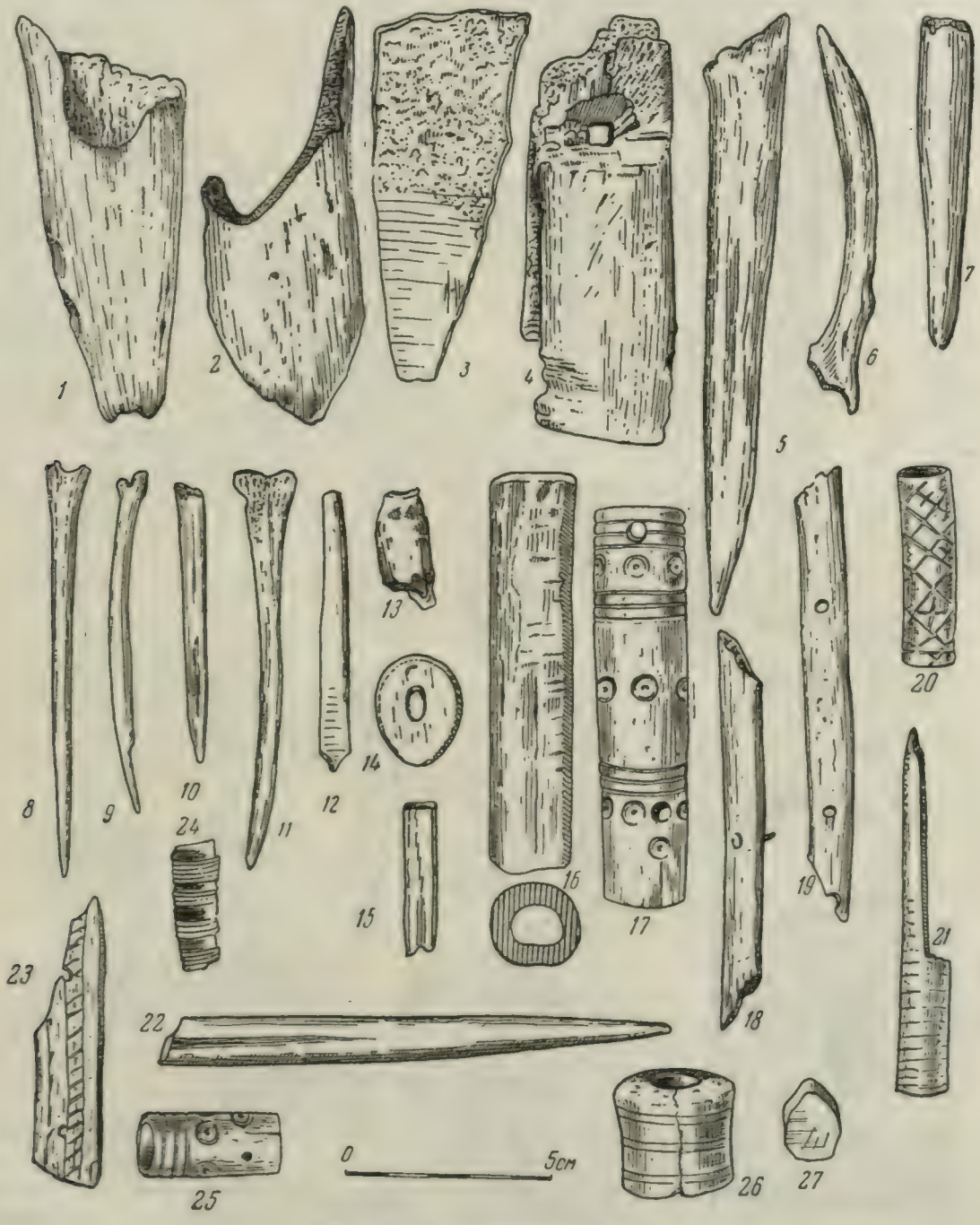


Рис. 27. Костяные поделки.

из наших раскопок Суздальского кремля,[123] в Костромских курганах[124] и курганах XII в. в Горках близ Подольска (здесь подвеска

го края очень давно, но подобные косы изготовлялись еще в XIX в. местными деревенскими ремесленниками для сбыта в Костромскую губернию,[126] где горбуша известна и из курганных находок.[127] К тем же участкам совре-

[122] Древности русские. Кресты и образки. Киев, 1889, табл. VII, рис. 85—86; крест из детинца хранится в ГРМ в Ленинграде.

[123] Н. Н. Воронин. Краткий отчет о раскопках 1936 г. в Суздале. Археол. иссл. в РСФСР 1934—1936 гг. Л., 1941, стр. 98, рис. 9.

[124] Ф. Д. Нефедов. Раскопки курганов в Костромской губ. М., 1899, табл. IV, рис. 8.

[125] Колл. ГИМ.

[126] О промыслах Владимирской губернии. ВГВ, 1859, № 17.

[127] П. Н. Третьяков. Костромские курганы. Изв. ГАИМК, т. X, вып. 6—7, Л., 1931, стр. 35.

менного детинцу слоя относятся: костяная недоделанная рукоятка (рис. 27, *4*), массивный полированный кочедык или проколка из кости (рис. 27, *22*), глиняное прясло, оселок, подковка (рис. 27, *23*), рыболовное биконическое грузило.

Из керамических находок, кроме обычных по профилю и орнаментации фрагментов курган-

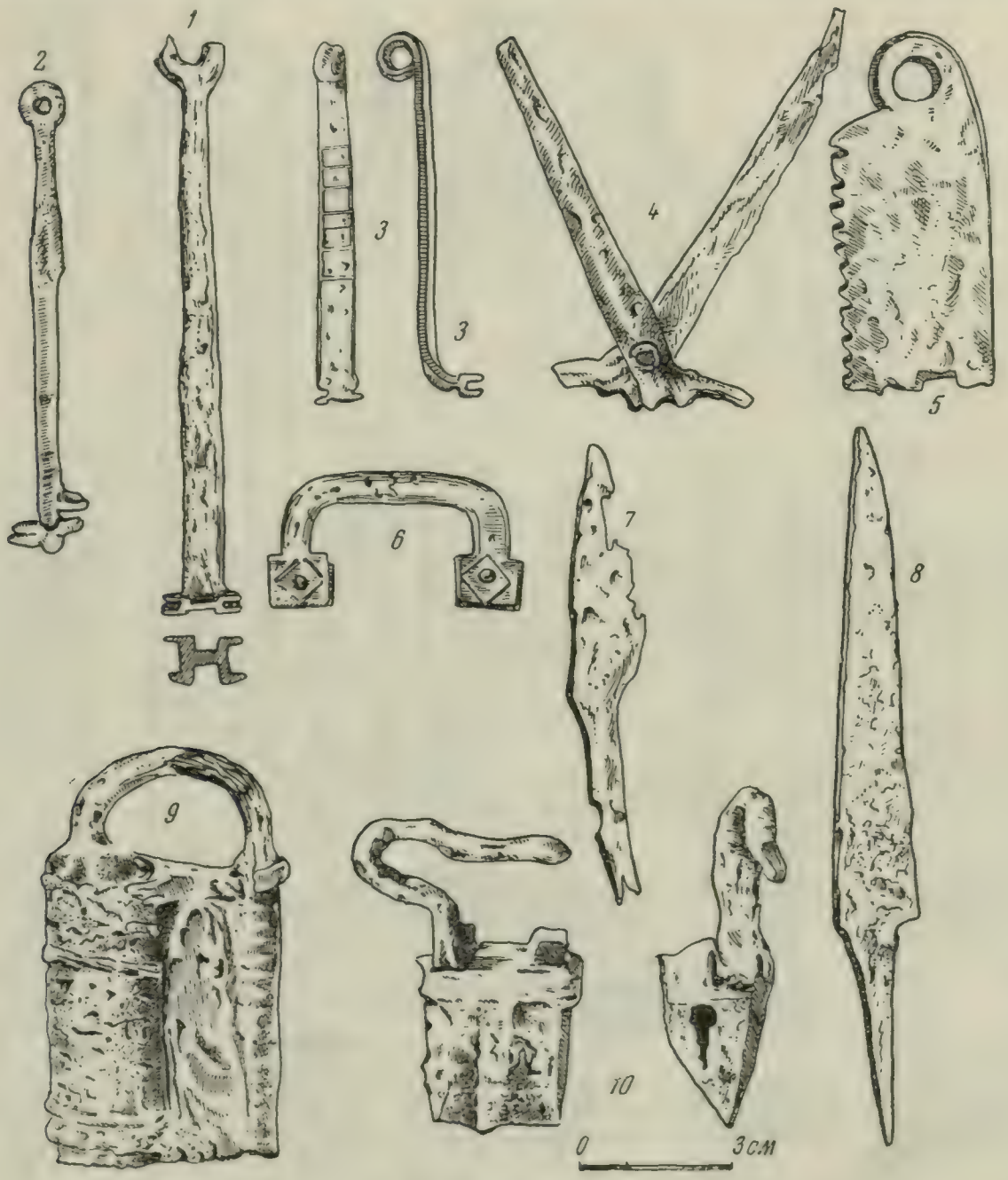


Рис. 28. Железные изделия.

ка, несколько черенковых ножей, ключи (рис. 28, *1*), железная ручка ларца (рис. 28, *6*).

К перерытым участкам и слоям строительного щебня относятся — обломок кованой пилы (или пилообразного огнива?), в ушке было продето кольцо совершенно проржавевшее (рис. 28, *5*); замок (рис. 28, *10*); шило, черенковые ножи, костяная проколка (рис. 27, *5*), костяная орнаментированная насечкой наклад-

ных горшков, отметим сосуды с поддоном [128] (рис. 30, *12* и *13*), днища с клеймами (рис. 29, *5, 8, 10—13, 17, 18*), полые ручки глиняных сковород-латок или противней (типа рис. 30, *11*). Посуда вся сделана на кругу, лепной керамики нет, если не считать одного крайне грубого черепка крупнозернистого теста. Не-

[128] Аналогичные новгородским (раскопки А. В. Арциховского) и вышгородским (раскопки Б. А. Рыбакова).

обходимо также отметить наличие явно привозной керамики — фрагменты больших амфоровидных сосудов с ручками («корчаг») прекрасного ровного обжига, иногда украшенных линейным параллельным орнаментом (рис. 30, *15—17, 20*); одна массивная ручка покрыта белым ангобом (рис. 30, *14*); судя по процарапанным на ручках крестам, эти сосуды были в

рост гумуса образовался в XIII—XIV вв. Находки здесь крайне редки: фрагмент аспидного крестика, обломок стеклянного перстня бирюзового цвета, несколько черенковых и с пластинчатой ручкой ножей (рис. 28, *8*), два ключа — один из них с винтовыми лопастями, наваренными из меди (рис. 28, *2*), дужка замка также с медными напаями, фрагмент сосуда с поддоном-

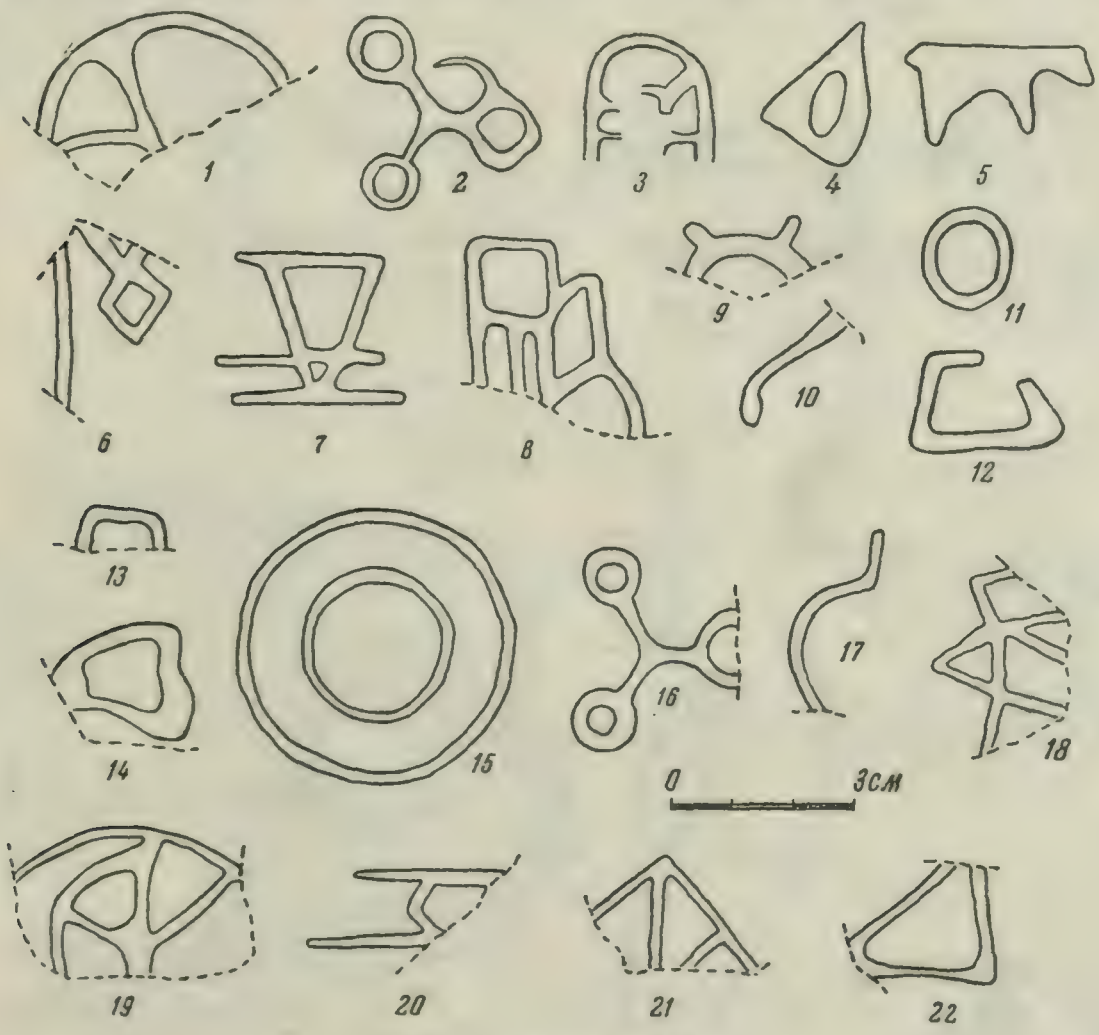


Рис. 29. Гончарные клейма.

церковном обиходе: может быть в них хранилось церковное виноградное вино.

Массив культурного слоя в пролете ворот (рис. 11) представляет ровную сероватого цвета песчано-гумусную слоистую массу. Прямо над ней следуют остатки кирпичного и деревянного настила, сделанного при закладке воротной арки и обращения ее в нижний четверик соборной колокольни. Никаких следов деревянных или каменных мостовых в пролете ворот не обнаружено. Можно думать, что мы имеем здесь дело с постепенно наросшим слоем почвы, начинающимся непосредственно от нижних камней ворот. Судя по серебряной джучидской монете 1346—47 гг. (Джанибек, 747 г.), найденной в пролете ворот, этот на-

ножкой, клейменое днище горшка (рис. 29, *21*), обломок сосуда с ручкой (30, *3*), рукоятка глиняного сосуда (рис. 30, *10*), фрагмент керамики со штампованным орнаментом (рис. 30, *18*).

5

Переходим к характеристике участка двора детинца в углу между западной стеной ворот и западным крылом стены.

При нивелировке бульвара в 1853 г. «на половине пути от Успенского собора к павильону, близ дорожки, открыты были на глубине 1.5 арш. основания какого-то древнего строения из диких камней, залитых цементом... Камни употребляются на устройство торговой площади. Почти на всем пространстве поверх-

Рис. 30а. Керамика.

ностных здесь разрытий находимы были в значительном количестве белые и дикие камни, крепкий цемент, кирпич, часто булыжник и редко кафли».[129] Монетные находки, сделанные при этом, относятся к XIV и XVI вв.[130]

Эти сведения ставят перед нами вопрос о времени исчезновения западного вала Сре

[129] ВГВ. 1853, № 36, стр. 200. Эти остатки построек приписывали или епископскому двору или «великокняжескому терему». В. Добронравов и В. Берези н. Историко-статистическое описание церквей приходов Владимирской епархии. Владимир, 189 вып. 1, стр. 11, прим.

[130] ВГВ, там же.

Рис. 30б. Керамика.

него города. Его отрезок в северной части площади сохранялся еще в конце XIX в.;[131] вряд ли можно сомневаться, что стены деревянного города XVI—XVII вв., изображенные на плане 1715 г., шли по валу; какие-то остатки валов около собора срывались в начале XIX в.[132] Нельзя не связать этого вопроса с одной особенностью стратиграфии к югу и северу от западного крыла стены: здесь ранний культурный слой интенсивно черного цвета прикрыт значительной толщей почти стерильного насыпного желтого песка, достигающей 2 м; этот, несомненно привозный, песок заполнил рытвины и буераки площади. Естественно предположить, что это песок срытого вала, частью употребленный для нивелировки площади.

Разрешение этого вопроса дает состав находок в песчаной засыпи, распределяющейся по пластам следующим образом:

1.00 Медная двухкопеечная монета 1854 г., медная пуговица, фабричные гвозди, изразцы и тут же обломок обработанной кости и заготовка костяной ручки (рис. 27, *13* и *16*), глиняная подвеска, штамп медный с изображением «рождества» для тиснения парамандов (XIV в.), ангобированная ручка амфорообразного сосуда (рис. 30, *14*); черепки керамики XII в. (интересен сосуд с параллельным орнаментом со стенкой толщиной в 1.5 см).

1.20 Железный пробой; два днища с клеймами (рис. 29, *4* и *16*), сосуд с ручкой (рис. 30, *2*).

1.40 Глиняная курительная трубка XVIII в.; кирпич (16×4×3), клейменое днище горшка (рис. 29, *6*); сосуд с ручкой (рис. 30, *1*); мелкие обломки стеклянного браслета.

1.60 Слюда, гвозди кованые.

1.80 Слюда; обломки и слиток меди; днище с клеймом (рис. 29, *3*), железный ключ (рис. 28, *3*).

Совершенно очевидно, что песок навезен, причем взят из древнего вала, о чем говорит совмещение разнородных вещей и керамики XII в. с предметами XVII—XIX вв. Следует заключить, что после выравнивания площади в 1847 г. она была дополнительно подсыпана песком из западного вала Среднего города в 1853 г.,— верхний дерновый слой засыпи содержит монету 1854 г.

Необходимо учесть и еще одно более глубокое нарушение стратиграфии участка. В квадрате *63—65* на уровне материка проложена водопроводная труба, прошедшая закрытой проходкой под стеной детинца и узкой открытой траншеей вдоль этих квадратов (рис. 10 и 17); естественно здесь стратиграфия нарушена почти полностью.[133]

Верхний горизонт жирного черного слоя, идущий ниже до материка, также датируется второй джучидской монетой 1312—1340 гг. (Узбек, Хорезм).[134] Следовательно, XIV в. его поздняя дата, т. е. мы имеем дело в основном со слоем XIII в. и раньше. Этот слой лежит не ровной поверхностью, но котлованом, углубляющимся с юго-востока на северо-запад, при этом довольно резко, так что создается впечатление опускания или провала его. Как выяснилось в процессе раскопа, в квадрате *40—50* имеется значительное искусственное углубление в материке (глубиной от 1.0 до 0.50 м), представляющее собой погреб или скорее подполье избы (рис. 10). Оно по уровню ниже фундамента западного крыла стены детинца, который своим краем слегка перекрывает слой, связанный с этим подпольем (рис. 17). Изба сгорела и завалилась незадолго до постройки детинца, возможно, это один из пожаров XII в., вероятнее 1185 или 1193 г. Для характеристики обстоятельств гибели этой постройки существенно, что в квадрате *42* среди угля и костей домашних животных и мелкого рогатого скота (преимущественно коровы) найден скелет взрослого мужчины со следами ударов рубящим оружием на бедренной кости.[135] Соблазнительно предположить, что убитый во время пожара человек или грабил клеть на княжем дворе или защищал ее от ограбления; напомним, что во время пожара 1185 г. на двор были вытащены все сокровища Успенского собора, а в 1193 г. во время пожара «много зла учинися» (та же формула, что и в характеристике восстания 1174 г.).

Однако подполье избы провалилось значительно позднее пожара, когда над ним образовался уже новый слой, также в связи с этим осевший. Эта картина особенно ясно прослеживается в квадрате *45—46*, где прослежена проломившаяся, перегнившая, обгорелая переводина, опустившаяся наклонно вниз и увлекшая за собой вниз верхние слои.

---

[131] В 1896 г. при срытии этой части вала найден известный владимирский клад. В. Т. Георгиевский. Важная археологическая находка в г. Владимире. ВГВ, 1896, № 39.

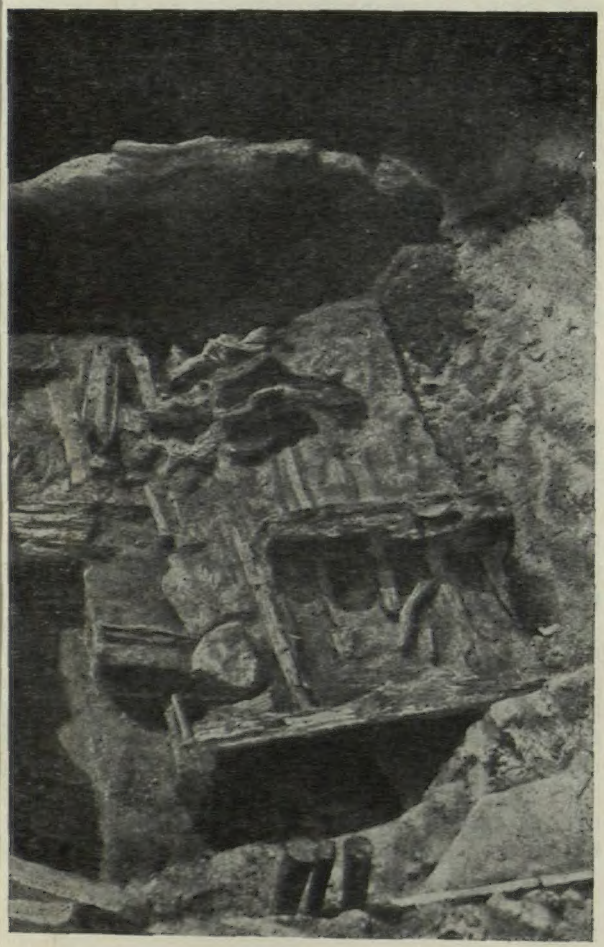
[132] Влад. Архивное бюро. Фонд канцелярии Владимирского губернатора. 1806, дело № 51. Развозка этого вала заняла 60 человеко-дней при 100 подводах. К. Н. Тихонравов сообщает, что при устройстве бульвара «земляной вал был срыт и бывший при нем ров засыпан». Исторические заметки о Владимире Клязьменском. ВГВ, 1862, № 33.

[133] Эта прокладка трубы, очевидно, относится к первым годам существования водопровода во Владимире. См. ВГВ, 1866, № 37. «Открытие водопровода в г. Владимире, 30/VIII 1866 г.».

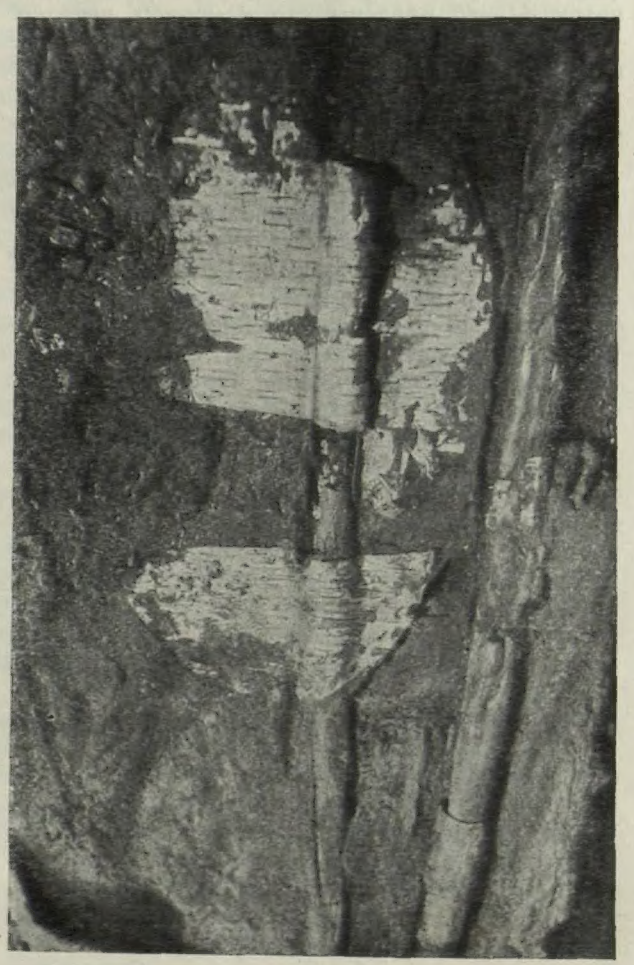
[134] Следует отметить, что случайные находки татарских монет во Владимире дают (зарегистрированные преимущественно в XIX в.) джучидские серебряные монеты. См. статьи К. Н. Тихонравова «Татарские монеты, найденные во Владимире». ВГВ, 1857, № 7; «Джучидская монета, найденная во Владимире». Там же, 1856, № 14.

[135] Определения сделаны Г. И. Петровым.

Этим объясняются и странные находки на глубоких горизонтах единичных поздних (XIV—XV вв.) вещей и керамических осколков при полном их противоречии остальному основному комплексу находок XII в. По внешнему же виду весь массив черного культурного слоя очень однообразен — это жирный черный перегной, обильно насыщенный углем, глиной и обугленной древесиной; по мере приближения к материку — слой вязок и влажен.



а



б

Рис. 31.

а — общий вид подполья; *б* — выстилка пола берестой.

Подполье (рис. 31, *а*), как сказано, помещается в яме, вырытой в материке, размером 4.52 × 5.75 м. Оно было выложено деревом; однако сохранилась лишь часть настила пола и следы перегнивших тесин, положенных горизонтально по стенкам ямы. Пол выстлан из толстых бревен с плохо обрубленными сучками прямо на материке; в целях предохранения помещения от почвенной влаги настил перекрыт берестой, сохранившейся в ряде мест (рис. 31, *б*), и отчасти лубом; береста и настил прижаты поперечными горбылями.[136] В соседних квадратах дерево не сохранилось, там встречен сплошной слой угля (кв. *44, 48, 49*).

Для рассмотрения вещевого материала из раскопок двора детинца естественно разделить его на два комплекса: 1) связанный с подпольем и сгоревшей избой XII в. и 2) перекрывающие слои конца XII — начала XIV вв.

Хозяйственное назначение подполья удостоверяется найденным здесь вещевым инвентарем и остатками продуктов. В квадрате *45* найдена груда обгоревшего проса, в квадратах *45—46* кожаные обрезки, подошвы[137] и ремни, скорлупа лесных орехов, кусочки воска, рыбья чешуя, смола. Состав этих продук-

[136] Выстилка берестой как предохранение от сырости — прием древний; известны курганные погребения в бересте. Любопытно, что связи ц. Покрова на Нерли, как это установлено архитектором П. С. Касаткиным, были обернуты берестой. В более позднее время сшитые вдвое полотнища бересты носили название «березовой скалы».

[137] Шов аналогичен остаткам обуви из новгородских и вышгородских материалов.

тов живо напоминает летописную формулу «обилия» смердов XI в.— «жито, скора, мед, рыба».[138] В квадрате *46* найдено дубовое днище кадки или пресс, клавшийся в бочку; обрывки грубой мешковины (льняной) и войлока (кв. *42*).

Отметим вещевые находки в горизонтах, связанных с подпольем и пожаром избы (кв. *41, 42, 44—46, 49—50, 63—65*). В квадратах *44—45* найдены два каменных пестика (рис. 26, *4—5*), находившиеся в соседстве с обгоревшим просом.

Из предметов металлических отметим железные — шило, кованые гвозди, ножи черенковые и с пластинчатым черенком; в порядке пережитка интересен нож архаической формы с горбатым обушком (рис. 28, *7*), ключ от трубчатого замка, замок цилиндрический с медными напаями (рис. 28, *9*), костыли (30 и 15 см длиной), кольцо.

Интересно наличие большого количества бронзовых обломков и шлака, а также кусочков свинца.[139] Возможно, что это отбросы строительства епископской церкви.

Анализ железных шлаков показал, что исходной рудой является, повидимому, красный железняк; большое содержание в шлаках закиси железа указывает на то, что бо́льшая часть руды не восстанавливалась до металла и вышла из горна в виде шлака; в некоторых шлаках имеется примесь древесного угля и несгоревшего дерева.

Керамика — обычных форм и орнаментов (рис. 30, *4—9*); профиля показаны на рис. 30 (*3, 4, 8,*— XIII—XIV вв.); отметим ручку глиняного противня (типа рис. 30, *11*), братинообразную чашу белой глины (аналогичной глине мозаичных кубиков) с волнистым орнаментом по краю (рис. 30, *22*), горшок черного обжига баночной формы (рис. 30, *21*). Встречено несколько мелких фрагментов поливной посуды. Характерно, что как и у половых плиток полива желтого и зеленого цвета, но нанесена более тонким и небрежным слоем. Отдельные фрагменты керамики с нанесением глазури парами соли, как и названная поливная керамика, несомненно, местного производства. В комплексе подполья и избы найдено значительное количество черепков привозной южной посуды (амфоровидные кувшины типа рис. 30, *15—17, 20*) и ангобированных белым кувшинов. Керамика местного производства (горшки) богата клеймами (рис. 29, *7, 9, 14, 15, 20*); клеймо типа рис. 29, *15* встречено дважды, типа рис. 29, *16*— трижды.

В мелких осколках встречено стекло.

Прясел найдено пять, из них четыре глиняных и одно шиферное; типичными для более раннего времени являются глиняные прясла; второе шиферное прясло встречено в слое XIII в., равно как коническое известняковое.

Из принадлежностей рыболовства найдены берестяные поплавки и два глиняных грузила для сетей; на одном прочерчен знак, похожий на упрощенный родовой трезубец Рюриковичей, в частности Юрия Долгорукого (рис. 25, *в*).

Лучшие из найденных образцы обработанной кости, орнаментированной параллельным, кружковым и сетчатым орнаментом, относятся также к слоям подполья (рис. 27, *14, 17, 20, 25, 26*); здесь же встречен наконечник неопределенного назначения из крупной трубчатой кости (рис. 27, *1*) и проколки (рис. 27, *9*).

Браслеты, найденные в особенно большом количестве в раскопках 1937 г. участка двора детинца, почти не встречаются вне описанного выше пласта черного культурного слоя; особенно характерно, что количество находок браслетов увеличивается на площади избы (из 67 на площадке двора в слоях избы найдено 37, т. е. более половины).

Как в нижних, так и в верхних горизонтах мы встречаем более или менее одинаковые типы браслетов. Поэтому мы ограничимся здесь общей характеристикой их:

1. Круглые стеклянные браслеты из непрозрачной массы преимущественно темно-синего и темно-зеленого тонов. Преобладают в верхних горизонтах.

2. Витые стеклянные браслеты такой же массы и расцветки преобладают в нижних горизонтах. Угол витка разнообразен — от очень пологого до почти перпендикулярного линии браслета. На одном браслете пластинчатый конец имитирует змеиную голову (?).

3. Единичны браслеты с окраской поверх основного темного (зеленого или синего) тона желтой полосой следующей течению витка (найдено 3 экз.).

4. Круглый браслет с параллельной штриховкой.

5. Круглые гладкие браслеты из совершенно прозрачного стекла. Расцветка: фиолетовая, темнозеленая, бирюзовая, лимонно-желтая. Встречаются равномерно во всех горизонтах.

6. Витые браслеты того же материала и расцветок.

7. Один пластинчатый браслет синего прозрачного стекла.

Замечательны стеклянные перстни из той же цветной массы, что и браслеты; найдено их 5, из них 3 на участке избы, что опять-таки свидетельствует о распространении их только в XII в.; их расцветка: черная с белыми жилками и голубым щитком, черная гладкая,[140] с белыми жилками по темносерому фону и желтым щитком. Той же массы стеклянные бусы.

---

[138] ПСРЛ, 1, 75.

[139] Определения металлов произведены сотрудником Сектора археологической технологии ИИМК А. М. Михайловым.

[140] Подобный из Владимирских курганов. Атлас к ТАС-I, табл. XXXV, рис. 7, 8 (Гнездиловские курганы).

Из числа украшений XII в. отметим еще медный четырехгранный в сечении браслет и обломок подобного браслета, но большей величины, а также почти полностью разрушенные медные эмалевые накладки желтой, белой и зеленой расцветки (подобно энколпию), одна круглая, вторая ромбическая с отверстиями для гвоздиков по углам; орнамент установить трудно.

Из предметов культа найден лишь один маленький тельник серого мрамора, находящий себе аналогию в киевских древностях.

Из вещей, не связанных с комплексом избы-подполья, но происходящих из горизонтов черного культурного слоя XII в., отметим два обломка ручных небольших жерновов (кв. *39* и *Ж*; рис. 26, *2—3*), замок цилиндрический, пробой и светец, ключи от цилиндрического замка, черенковые ножи, костяные поделки (рис. 27, *8, 18* и *21*); оселки; подметки; керамика со штампованым орнаментом и клеймами (рис. 30, *19*; 29, *2*); погребальный лепной горшочек (рис. 30, *23*); глиняное рыболовное грузило; стеклянные браслеты.

Костные остатки животных из горизонтов XII в. и комплекса подполья дают следующую картину: [141]

Корова	69
Свинья	39
Мелкий рогатый скот	29
Лошадь	5
Собака	2

Костные остатки коровы характеризуют мелкопородность скота.

Верхние горизонты черного культурного слоя, датируемые XIII—XIV вв., в отношении состава инвентаря мало чем отличаются от слоя XII в., но в общем его состав беднее и малочисленнее. В керамике появляются тонкостенные горшки хорошего обжига с своеобразным венчиком (рис. 30, профиля *3, 4, 8*), бытуют сосуды с поддоном-ножкой, желтая и зеленая поливная посуда, сосуды с ручкой (рис. 30, *2*); характерно, однако, что гончарных клейм меньше (рис. 29, *1, 19, 22*), но продолжаются клейма, встречавшиеся ранее (рис. 29, *15*). В верхних горизонтах слоя встречается в мелких обломках среднеазиатская кашинная керамика XIII—XIV вв. Еще довольно много стеклянных браслетов, ножей старых типов и гвоздей; остальные предметы единичны: ключ от цилиндрического замка, железное кольцо и пробой, оселок, обломочек синего стеклянного перстня, шиферное прясло, глиняное рыболовное грузило.

Костные остатки животных малочисленны (всего 24) — то же преобладание коровы и свиньи; кости диких животных: лось (1), заяц (1).

Костяных поделок много, но весьма знаменательно изменяется их состав — это по преимуществу проколки, шилья (рис. 27, *3, 6, 7, 10, 11* и *15*), нарядные орнаментированные поделки почти исчезают (рис. 27, *19, 24, 27*). Интересна находка чугунной круглой вогнутой пластины 14 см в диаметре (сковородка, крышка?), находящая аналогию в находке чугунного же котла (в слоях XIV в.) при раскопках А. П. Смирнова 1947 г. в Великих Болгарах.

Очевидно, что перед нами факты определенного упадка материальной культуры Владимира, связанного с монгольским завоеванием.

ПРИЛОЖЕНИЕ